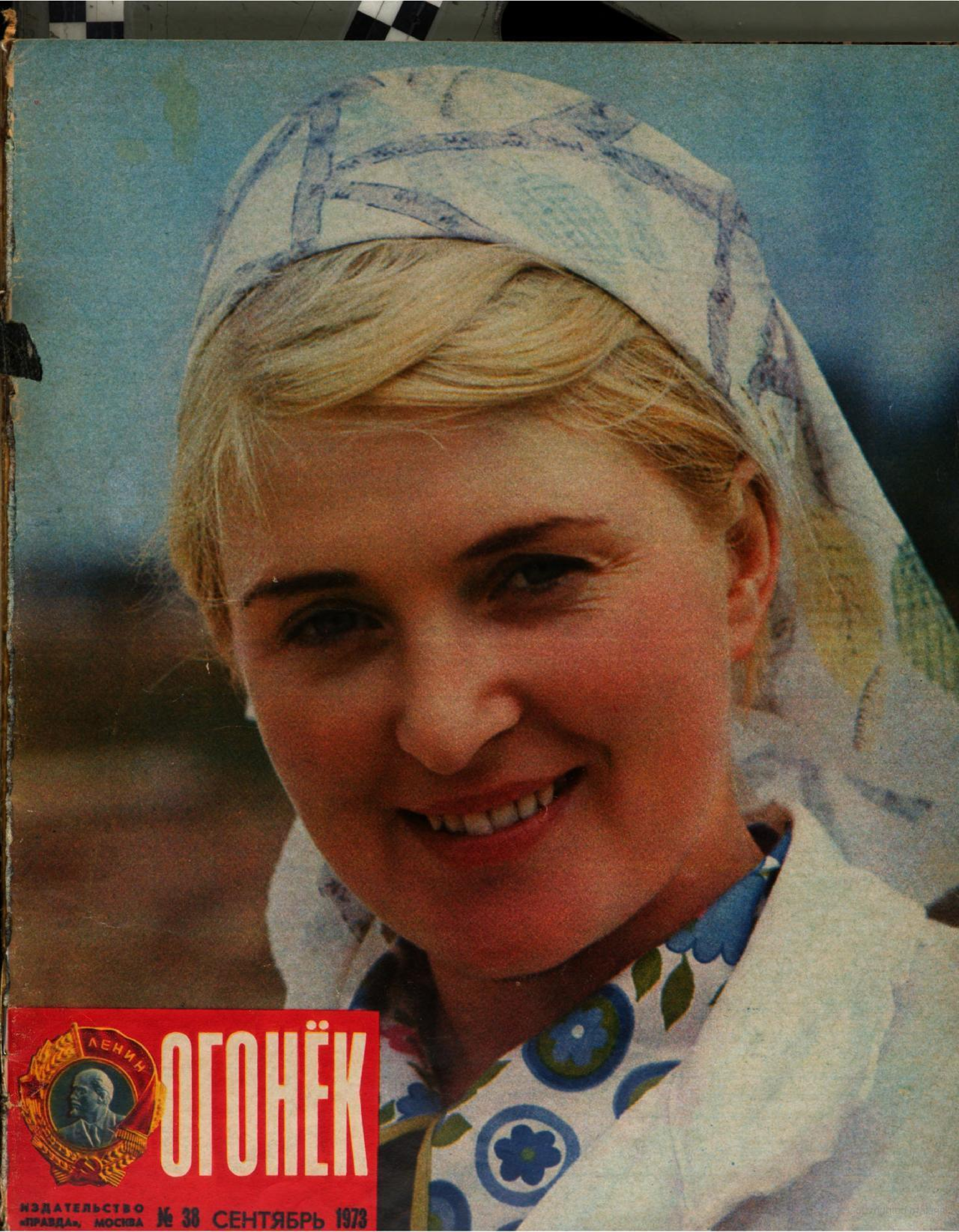

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1973

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2411)

15 СЕНТЯБРЯ 1973

КАЗАХСТАН. КУСТАНАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

ДВАДЦАТАЯ ЦЕЛИННАЯ...

Днем и ночью идет жатва на полях Кустанайщины.

Якуб ШАТИРОВ,
заместитель редактора кустанайской областной газеты «Ленинский путь»

Фото специального корреспондента журнала «Огонек» А. ГОСТЕВА.

На полях Кустанайщины — главной житницы Казахстана — идет самоотверженная борьба за большой хлеб. Земледельцы области, на знамени которой сияют два ордена Ленина, продадут ныне государству не менее 200 миллионов пудов хлеба. В два раза больше, чем давал весь Казахстан до освоения целины!

...С высоты кустанайский колосовой клин похож на зеленый океан. Не удивительно: почти 5 миллионов гектаров занимают хлебные поля области.

А всего двадцать лет назад здешние поля выглядели совсем иначе. Их нынешняя масштабность — плоды героического труда покорителей целины. Со всех концов страны приезжали они сюда. Вот названия совхозов: «Московский», «Ленинградский», «Киевский», «Минский», «Севастопольский», «Волгоградский». Из этих и многих других городов страны по воле партии, по призыву комсомола, по велению сердца прибыли в Кустанайскую степь советские патриоты. Вот что сказал об этих людях Л. И. Брежнев: «...Те, кто поднимал целину, живет и трудится на ней,— это люди героического склада».

Представители почти всех братских республик участвовали в создании зерновой базы Казахстана. На юбилейной вахте ныне встречаются представители многих национальностей.

С первым эшелоном на кустанайскую целину приехал Иван Иванович Рудской. Двадцать лет убирает здесь хлеба Габдрауф Каюмов из Татарии. Первую борозду целины поднимал Алексей Андреевич Сахно. Всей стране известны имена знатных комбайнеров казахов Жансултана Демеева и Сартая Тынынбаева. Накануне жатвы они, Герои Социалистического Труда, обратились к земледельцам с призывом: «Ни колоска на стерне, ни зернышка в соломе». Их призыв стал законом для каждого хлебороба Кустанайской области.

...Чудесная пшеница вызрела на нивах Краснопресненского совхоза — высокая, с тучными колосьями. Девятнадцать лет исполнилось совхозу. Ранней весной 1954 года сюда приехали москвичи, посланцы Красной Пресни. Они распахали нетронутые земли и обосновали зерновой совхоз. Сейчас его поле занимает около 28 тысяч гектаров.

Дружба хлеборобов с краснопресненцами продолжается. В

Директор совхоза «Станционный» депутат Верховного Совета СССР Борис Николаевич Климов.

Ведет комбайн «СК-4» комсомолец Куанышбек Бузбаев из совхоза «Станционный».

Старейший комбайнер совхоза «Краснопресненский», Герой Социалистического Труда Анатолий Захарович Дубенцов.

Трактористка Камшат Доненбаева из совхоза «Харьковский».

Алла Аманбаева — старший лаборант отдела земледелия Карабалыкской сельскохозяйственной опытной станции.

прошлом году в Краснопресненский район Москвы приезжала делегация совхоза во главе со знаменитым хлеборобом Героем Социалистического Труда Анатолием Дубенцовым. Сейчас он вместе со своим напарником Аскаром Кужегалиевым подбирает валки. Анатолий обязался намолотить 12 тысяч центнеров зерна.

— Хлеборобам трудно. Из-за погодных условий хлеб зреет неравномерно. Есть полеглые хлеба, есть с подгоном. Мешают нам и непрестанные дожди. Но урожай соберем до зернышка,— говорит коммунист Дубенцов.

Около ста совхозных коммунистов ведут борьбу «за двухмиллионный каравай». Это по их инициативе на жатве применяют групповой метод уборки. Опытные комбайнеры взяли шефство над молодыми. Словом, делается все, чтобы не допустить потерь.

А вот другой совхоз — «Станционный». За два года пятилетки он продал государству три с половиной миллиона пудов хлеба. Выступая на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном вручению республике ордена Дружбы народов, директор хозяйства депутат Верховного Совета СССР Борис Николаевич Климов от имени коллектива заявил, что совхоз в нынешнем году продаст государству 2 миллиона пудов зерна.

Высокие обязательства взяли и другие хозяйства Комсомольского района. Земледельцы здесь отдают весь свой опыт, мастерство, чтобы до зернышка убрать выращенный урожай. Работают целыми семьями. В Смирновском совхозе уборку ведут Андрей Андреевич Лидер, его брат Александр и сын Федор. Они в шестой раз выводят свои агрегаты на нивы совхоза. И каждый ежегодно намолачивает по 10—15 тысяч центнеров зерна.

Земледельцам помогают горожане. За штурвалы комбайнов встали рабочие, студенты. Колхозы и совхозы области с помощью крупных предприятий решили одну из главных задач целинного земледелия — обеспечили себя механизаторскими кадрами. Зимой на заводах и стройках городов были созданы специальные курсы для подготовки комбайнеров. Теперь Кустанайская область не ждет механизаторов из других областей. Нынче на Кустанайщине зародилось новое начинание. Пять сыновей заслуженного комбайнера республики Филиппа Михайловича Фальмана, работающие на местных предприятиях, обратились ко всем трудящимся области, освоившим профессии механизаторов, с призывом активно участвовать в борьбе за двадцатый целинный урожай. Сами братья Фальманы работают сейчас в крупнейшем совхозе «Буревестник».

Многое делают для отдыха участников жатвы клубы, дворцы культуры, библиотеки. Уже стали традиционными выездные концерты для хлеборобов, концерты, которые дает агитбригада клуба «Строитель» из молодого города Лисаковска. На днях самодеятельные артисты выступили с концертом на Перелескинском хлебоприемном пункте.

Днем и ночью не стихает гул комбайнов и автомашин на хлебной ниве Кустанайщины. Идет большой хлеб Казахстана. Идет двадцатая целинная жатва.

ПРИЗЫВ НЕПРИСОЕДИНИВ

Девятого сентября в Алжире завершила свою работу IV Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Положительные итоги этой конференции воодушевили тех, кто в Азии, Африке и Латинской Америке полон решимости вести последовательную борьбу против империализма, колониализма и неоколониализма, за мир и свободу народов. Ее итоги разочаровали поборников «холодной войны» и гонки вооружений, а также сектантов-догматиков, ибо им не удалось вбить клин между движением неприсоединения и социалистическим содружеством.

Хотя в выступлениях некоторых представителей неприсоединившихся стран и имели место кое-какие расхождения, являющиеся результатом проведения этими странами различных внешне- и внутриполитических курсов, но по главным, ключевым проблемам современности участники конференции достигли общего мнения.

Резкую отповедь некоторым представителям неприсоединившихся стран, выступавшим с чужого голоса, дал на конференции премьер-министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро. Он подверг критике тех, кто в своих выступлениях пытался столкнуть неприсоединившиеся страны с социалистическим лагерем. Эти попытки, подчеркнул Кастро, направлены на защиту интересов империализма. Лишать нас дружбы с социалистическим лагерем, подчеркнул он,— значит ослаблять неприсоединившиеся страны и оставлять их на милость пока еще мощных сил империализма. Подобные идеи, отметил Ф. Кастро, вынашивающиеся буржуазными теоретиками, находят отклики лишь у тех, кто в силу своего невежества незнаком с историей и не признает современной реальности.

Первое в мире социалистическое государство, которое оказало сопротивление империалистической интервенции и блокаде и которое ценой огромных жертв разгромило фашизм, сказал Ф. Кастро, превратилось ныне в великое индустриальное государство. Это было достигнуто, подчеркнул Кастро, благодаря героическому и самоотверженному труду советского народа, и нас не могут не радовать его успехи.

Ф. Кастро заявил, что Великая Октябрьская социалистическая революция и достижения советского народа на пути прогресса способствовали развитию национально-освободительных движений во всем мире, явились важным вкладом в успех борьбы народов против империализма, за свободу и независимость. Эти слова были встречены горячими аплодисментами делегатов алжирского форума. Мы, продолжал Ф. Кастро, никогда не забудем значения той моральной, экономической и военной помощи, которую оказали и оказывают социалистические страны, и в первую очередь Советский Союз, революционной Кубе, арабским странам, национально-освободительным движе-

Алжир в дни конференции.
Телефото АДН — ТАСС.

ШИХСЯ СТРАН

ниям в Африке, героическому Вьетнаму в их антиимпериалистической борьбе.

Председатель президентского совета Народно-Демократической Республики Йемен Салем Рубейя Али под аплодисменты участников алжирской конференции призвал к «союзу неприсоединившихся стран с лагерем социализма, без которого нельзя добиться успехов в борьбе против империализма».

В выступлениях многих делегатов алжирской конференции проводилась мысль о том, что новые международные тенденции, появившиеся в последнее время, объективно полезны для развивающихся стран. «Новая эра смягчения напряженности,— говорила в выступлении премьер-министр Индии И. Ганди,— уже началась, и мы можем поздравить себя с определенным прогрессом. Экономическое и социальное развитие не может быть достигнуто чрезвычайными усилиями, оно требует международных усилий».

Дискуссия по экономическим вопросам под сводами алжирского Дворца наций дала ясно понять, что развивающиеся государства отчетливо представляют, откуда исходит опасность экономического закабаления. «Экономическая битва для окончательного освобождения наших народов и их экономики от ярма международного капитализма,— заявил по этому поводу премьер-министр Гвинеи Луи Лансана Беавоги,— должна проводиться при помощи наших всеобщих усилий».

В политической декларации — основном документе, принятом алжирской конференцией, приветствуется успех сил мира, начавшийся процесс разрядки международных отношений. Декларация резко осуждает империализм, который «множит заговоры против суверенитета и безопасности государств».

Руководители неприсоединившихся стран осудили израильскую агрессию против арабских народов, высказались за установление прочного и длительного мира на Ближнем Востоке, выразили озабоченность продолжающимся империалистическим вмешательством в дела народов Индокитая, заявили о полной поддержке освободительной борьбы народов Африки, стран Латинской Америки, особенно Чили, Перу, Аргентины, Панамы, за укрепление суверенитета.

Алжирская конференция приняла также экономическую декларацию, в которой подчеркивается, что империализм был и остается главным препятствием на пути прогресса развивающихся стран.

Алжирский форум, его призывы к объединению сил, несомненно, вносят еще один важный вклад в борьбу антиимпериалистических сил, в борьбу за мир, социальную и политическую свободу народов.

Н. ПАСТУХОВ

ПРИ НАЛИЧИИ ДОБРОЙ ВОЛИ

Георгий КУЗНЕЦОВ

У меня на рабочем столе — привезенная из Хельсинки небольшая брошюрка. Это так называемая «голубая тетрадь» — текст заключительных рекомендаций многосторонних подготовительных консультаций, которые были единодушно приняты на первом же заседании первого этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

18 сентября «голубая тетрадь», а вместе с ней предложения, внесенные представителями различных стран на хельсинкской встрече 33 министров иностранных дел европейских государств, США и Канады, станут объектом рассмотрения в комиссиях и подкомиссиях, которые созданы для выработки заключительных документов общеевропейского совещания. Деятельность этих комиссий входит во второй этап совещания, начало работы которого было положено созывом координационного комитета, собравшегося в Женеве 29 августа. На втором этапе участникам совещания не придется начинать с нуля, ибо готова солидная основа для продолжения начатой работы.

Мне вспоминается, что, когда советская делегация в Хельсинки распространила проект «Генеральной декларации», кое-какие из западных буржуазных газет, привыкших «с порога» отметать все, что предлагается Советским Союзом, как «пропаганду» или как якобы выгодное только СССР, сразу поспешили поставить под сомнение ценность этого документа. Лондонская «Таймс» в своем стремлении бросить тень на ясный день объявила, что в советских предложениях «нет ничего нового». Сделав это открытие, «Таймс» сама посадила себя в лужу, ибо проект «Генеральной декларации» строго основан на заключительных рекомендациях, которые были разработаны в Диполи на предварительных консультациях и одобрены совещанием. Вместе с тем советский проект наполняет жизненным содержанием заключительные рекомендации, являющиеся пока что заданиями для работы комиссий и подкомиссий, дающими основные направления движения к конечной цели — построения Европы мира и добрососедского сотрудничества.

Проект «Генеральной декларации», как отмечает печать многих стран,— это готовый проект заключительного документа по первому пункту повестки дня, в котором затрагиваются жизненно важные проблемы обеспечения безопасности. Кстати сказать, социалистические страны, проявившие во время первого этапа большую активность, и внесли тщательно разработанные проекты документов, представляющие хорошую базу для обсуждения.

Определенные западные круги хотели бы превратить женевский форум в рынок, где можно поторговаться, действуя по принципу «вы — нам, мы — вам», попытаться оказать давление на партнеров по переговорам. Так, если верить голландской печати, правительство этой страны намерено внести 18 сентября «предложения для конкретного регулирования с социалистическими странами большей свободы обмена информацией», которое является не чем иным, как прямым вмешательством во внутренние дела СССР. В явно провокационном плане ставится, например, вопрос об устранении «барьеров, которыми Восток ограничивает свободу слова и которые имеют отношение к оппозиционным группировкам, и в частности писателям-диссидентам в Советском Союзе». Иначе говоря, открыть двери наших издательств для клеветника-антисоветчика Солженицына и иже с ним.

Шпрингеровская «Ди вельт» ультимативно заявляет, что «одним из необходимых предварительных условий для создания европейской системы безопасности является достижение духовной свободы во всей Европе», что опять-таки в понимании «духовной свободы» этой газетой звучит как требование Советскому Союзу открыть ворота для политической порнографии Шпрингера и К°, которые мечтают об идеологическом разоружении советского общества. Французская католическая «Круа» при этом одним росчерком пера аннулирует все колоссальные достижения советской культуры только потому, что «этот подъем происходит в одном направлении и благоприятствует лишь распространению прогрессистских произведений материалистического содержания».

Если кто-либо на Западе считает, что Советский Союз можно шантажировать подобным образом, требуя уступок по принципиальным вопросам, тот жестоко ошибается: подобная политика ничего не может дать ее вдохновителям. Признание принципов мирного сосуществования с социалистическими странами со стороны реалистически мыслящих руководителей капиталистических государств, казалось бы, означает не только признание права каждой страны развиваться в соответствии с избранным народом строем, но и уважение существующих в других государствах законов, обычаев, традиций, не допуская попыток вмешательства во внутренние дела других стран под какими бы то ни было предлогами. Об этом свидетельствуют дух и буква заключительных рекомендаций, одобренных в Хельсинки всеми без исключения министрами — участниками совещания, и попытки пересмотреть эти рекомендации обречены на провал.

Противники мира и прочной международной безопасности ведут бой против сил прогресса, стремясь сорвать превращение разрядки напряженности в необратимый процесс. Однако это бои арьергардные. Они не могут задержать поступательного движения народов земного шара.

Встреча делегатов V конференции писателей стран Азии и Африки в аэропорту Алма-Аты.

ДВА КОНТИНЕНТА ПОД НЕ

«Советские люди неизменно солидарны со свободолюбивой борьбой народов Азии и Африки против империализма, колониального и расистского гнета».

Из приветственного послания Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА участникам V конференции писателей стран Азии и Африки.

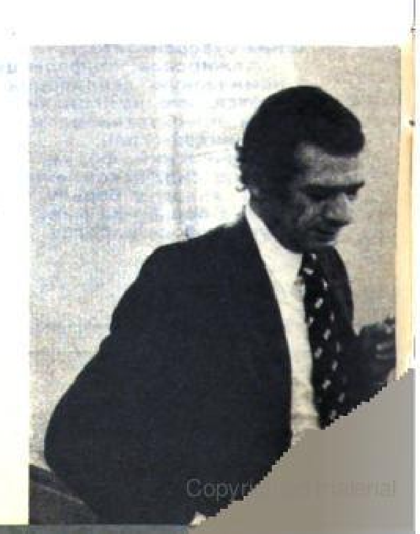
Написав название этой статьи, я сразу подумал, что оно не соответствует тому, что происходит в настоящее время в Алма-Ате, в конференц-зале Казахского Союза писателей. И все же это название отвечает содержанию Пятой конференции писателей стран Азии и Африки. Именно здесь, под небом Казахстана, собралось более пятидесяти делегаций с двух великих континентов земного шара. Но и не только они. Давно остались позади развеянные в дым попытки «литературных маоистов» отгородить «китайской стеной» писателей Азии и Африки от всей литературы европейских социалистических стран и прогрессивных писателей Европы, Соединенных Штатов Америки. Образ мыслей, строй чувств и симпатий, как известно, не определяются цветом кожи. Поэтому, когда ранним утром на алма-атинском аэродроме приземлились один за другим два самолета «ИЛ-62», по трапам вниз спустились писатели не только двух кон-

Вручение премии «Лотос» алжирскому писателю Катебу Ясину. Премию вручают Юсеф эс-Сибаи (АРЕ) и Алекс Ла Гума (ЮАР).

Ив Гандон (Франция), В. Озеров (РСФСР) и Джон Окай (Гана) (слева направо).

Торжественное открытие V конференции писателей стран Азии и Африки. Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев оглашает текст приветственного послания Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

БОМ КАЗАХСТАНА

А. СОФРОНОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

тинентов, но и литераторы других материков. Они в равной степени ощущали гостеприимство и радушие хозяев конференции.

В моей памяти все четыре конференции писателей стран Азии и Африки. Каждая из них была новой ступенью вверх по дороге единства, дружбы и солидарности. Конечно же, у ветеранов афро-азиатской писательской солидарности никогда не изгладится первая, Ташкентская, где был заложен дух взаимопонимания и осмысления общих задач литераторов двух континентов, посвятивших свой высокий товарищеский труд народной освободительной борьбе, отдавших сердце и талант делу единства народов Азии и Африки.

Ташкент — Каир — Бейрут — Дели. Вот основные четыре вехи в жизни Ассоциации афро-азиатских писателей. Теперь к ним с таким же правом прибавилась еще одна — Алма-Ата. Сейчас, когда только что все закончилось и участники Пятой конференции разлетелись по столицам других республик Советского Союза — в Ереван, Ташкент, Баку, Душанбе,— еще трудно подробно проанализировать все главные проблемы, которые были поставлены и горячо обсуждены на конференции, на ее пленарных заседаниях, в ее комиссиях, но можно сказать, что с того самого момента, когда в праздничном, предельно наполненном прекрасном зале Дворца имени В. И. Ленина в Алма-Ате прозвучали слова приветствия Леонида Ильича Брежнева участникам конференции, которое зачитал, заканчивая свою речь, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, все участники конференции особенно остро почувствовали ответственность перед своими народами, перед всем человечеством за свои решения, за свой литературный труд.

Во время перерыва генеральный секретарь Ассоциации, египетский писатель Юсеф эс-Сибаи подошел к товарищу Д. А. Кунаеву.

— Большое спасибо,— сказал он,— за все, что сделано казахскими друзьями для того, чтобы наша работа была окружена такой заботой. Мы почувствовали это с первого момента, когда ступили на землю Казахстана.

Муин Бсису (Палестина) и Фаиз Ахмад Фаиз (Пакистан)

Субхас Мукерджи (Индия) и А. Алимжанов (Казахстан).

Е. Евтушенко (РСФСР) и Махмуд Дервиш (Палестина).

Открытие выставки изданных в СССР книг писателей Азии и Африки.

Алекс Ла Гума (ЮАР), Ч. Айтматов (Киргизия) и переводчица Л. Саратовская.

Роса Эрнандо (Перу), А. Кешоков (РСФСР) и Исабель Бустаманте (Перу).

— Мы рады были это все сделать,— ответил товарищ Д. А. Кунаев.— Мы глубоко уважаем труд писателей и ценим усилия всех писателей Азии и Африки в их борьбе с империализмом и капитализмом. Ваши произведения помогают людям находить свое место в борьбе народов з: лучшую жизнь. А сейчас вы находитесь в Казахстане, когда вся республика, все трудящиеся ведут самоотверженную борьбу за то, чтобы дать нашей стране миллиард пудов хлеба.

— Я бы сам с удовольствием принял участие в этой борьбе,— сказал Юсеф эс-Сибаи.

— Спасибо... Желаю успеха вашей конференции. Наши товарищи сделали все, чтобы вы здесь себя хорошо чувствовали. Считайте Казахстан своим домом,— проговорил Д. А. Кунаев.

— Я здесь второй раз и уже считаю себя казахским писателем,— сказал Юсеф эс-Сибаи.

Потом я много раз слышал слова, близкие словам египетского писателя. Делегаты молодой Республики Бангладеш, недавно принятые в члены Ассоциации, также внесли свою лепту в конференцию.

Руководитель делегации Бангладеш Мазхарул Ислам, генеральный директор Бенгальской академии, поэт и прозаик, сказал мне:

— Мы чувствуем себя здесь отлично. Окружены заботой хозяев конференции. И мы, конечно, рады, что имеем возможность принять активное участие в конференции. Мы видим, как много внесли советские писатели в дело единства народов Азии и Африки.

Все больше становится известным нашим читателям замечательный кенийский писатель Джеймс Нгуги. На конференцию он прилетел вместе с женой Ямбурой. Джеймсу Нгуги была присуждена премия Ассоциации «Лотос». На одном из заседаний ему вместе с сенегальским писателем Сембеном Усманом и южновьетнамским поэтом Тху Боном были вручены эти премии.

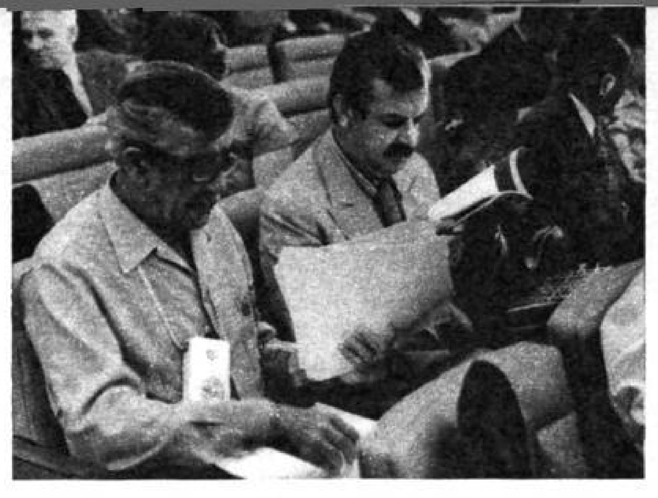
Роман Джеймса Нгуги «Пшеничное зерно», повествующий о борьбе кенийского народа за свою независимость, был выпущен в Советском Союзе. Совсем недавно в журнале «Огонек» мы опубликовали его рассказ «Венчание на кресте», получивший высокую оценку читателей за драматичность и психологическую глубину. Нгуги сидел вместе с женой Ямбурой в фойе Дома писателей, еще уставший от долгого полета из Найроби. В глазах Ямбуры бродила растерянность от пестрой смены впечатлений.

На Алма-Атинском заводе тяжелого машиностроения состоялся митинг советско-арабской дружбы.

М. Турсун-заде (Таджикистан) и Фан Ты (Республика Южный Вьетнам).

Альфредо Варела (Аргентина) и Гильермо Атиас (Чили).

Лауреаты литературной премии «Лотос» (слева направо): Сембен Усман (Сенегал), Тху Бон (Республика Южный Вьетнам) и Джеймс Нгуги (Кения).

Томас Медейрос (остров Сан-Томе) и Коста де Андраде (Ангола).

Халилулла Хан Халили (Афганистан) и К. Яшен (Узбекистан).

Утегалиева Халима, 84-летняя поэтесса Казахстана, и Зульфия (Узбекистан).

— Как вы себя здесь чувствуете? — спросил я Джеймса.

— Хорошо... Очень хорошо.

— Какие мысли возникают в Алма-Ате?

— Мысли? Их много. Это прекрасно, что мы можем встречаться, разговаривать друг с другом, не чувствуя себя чужими. И знаете, что еще? Нам пора встретиться на такой конференции в Африке. Я был бы счастлив, если б очередная конференция состоялась в моем родном Найроби. Вы же знаете этот город?

— Найроби так же, как и вся Кения, действительно прекрасен.

— Приезжайте,— сказал Нгуги.

Несколько лет тому назад мы часто встречались со студентом Литературного института имени Горького поэтом Джоном Окай. Мы не только встречались с ним, но и глубоко симпатизировали его страстной, земной поэзии. Многие стихи Джона были опубликованы в переводах советских поэтов в наших московских журналах. В 1966 году Джон с отличием закончил институт имени Горького и вернулся к себе на родину, в Гану. На эту конференцию он прилетел уже в другом качестве, являясь президентом Ассоциации писателей Ганы. Но ни эти семь лет, ни его новая общественная работа не изменили его. Он все такой же, с таким же горячим темпераментом.

— Мы должны помогать молодым писателям Азии и Африки находить свое место в литературных рядах. Я знаю, что такое быть молодым поэтом, хотя мне уже тридцать два года...

— Пишете ли стихи, Джон?

— О, конечно!

— Значит, мы можем публиковать ваши новые произведения?

— О, конечно! Я тоже думаю о том, что следующая конференция должна быть на африканской земле. Наш континент готов для того, чтобы так же гостеприимно встретить всех писателей Азии и Африки и всех, кто стоит на позициях дружбы и мира между народами.

Да, все встречи и встречи... Живая история афро-азиатской литературы. Здесь и молодые писатели и те, кто внес уже большой вклад не только в свою родную, но и во всю мировую литературу. Двадцать четыре года назад, поздней осенью 1949 года, делегация советских писателей, возглавляемая Николаем Тихоновым, была приглашена на конгресс прогрессивных писателей Пакистана. Именно там, в красивом и шумном городе Лахоре, мы встретились впервые с поэтом Фаиз Ахмад Фаизом. Еще в 1941 году вышла первая книга его стихов, «Печальный узор». В пятидесятых годах появились книги «Руки ветра» и «Тюремные стихи». Он прошел нелегкий путь поэта и борца за национальное освобождение. Был одним из активнейших участников Первой (Ташкентской) конференции писателей. В 1962 году за выдающиеся заслуги в деле укрепления мира Фаиз Ахмад Фаизу была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». С загималайской Азией, с ее гостеприимством мы впервые познакомились в Лахоре, в доме Фаиза. Потом было немало встреч и с ним и с его стихами. И вот сейчас еще одна теплая встреча на конференции в Алма-Ате. Прибавилось седины у Фаиза, но так же молодо и вместе с тем спокойно блестят его глаза.

— Главные наши заботы,— говорит Фаиз,— это чтобы был мир. Мир — это расцвет творчества, это поэзия.

— А стихи есть?

— Есть.

— И мы можем познакомить с ними наших читателей?

— Если пожелаете,— улыбается Фаиз.

И еще одна встреча — с замечательным революционным палестинским поэтом Муином Бсису. Он уже не первый раз в Советском Союзе. С гордостью он показывает мне книжку «Палестинская поэзия», выпущенную казахским издательством. В этом сборнике и стихи Муина Бсису. Вместе с Муином и писателями других арабских стран мы выступали на Алма-Атинском заводе тяжелого машиностроения, отправляющем свою продукцию в числе других и в арабские страны.

— Мы хорошо знаем советских рабочих. Чтим их труд, их огромный вклад в победу арабских народов! — горячо говорил Муин на встрече в одном из цехов завода.— Мы верим в нашу победу. Верим, что вернемся на свои земли, которые сейчас топчут израильские агрессоры!

Нет, никогда не забудутся эти сердечные встречи, братские рукопожатия, слова верности и дружбы, звучавшие на гостеприимной земле Казахстана.

Афро-азиатская литература, являясь одной из крупных составных частей мировой прогрессивной литературы, находится на правильном пути. Именно это засвидетельствовала и подтвердила Пятая конференция писателей Азии и Африки — новая веха в ее творческом развитии.

Алма-Ата. Сентябрь, 1973.

Г. Абашидзе (Грузия) и Огюстен Сонда Кулибали (Верхняя Вольта).

Профессор Е. Челышев берет интервью у Хариваншрая Баччана (Индия).

Алма-Атинский хлопчатобумажный комбинат имени 50-летия Октябрьской революции. Митинг солидарности с народами Индокитая.

СОВЕТСКАЯ КНИГА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

На вопросы «Огонька» отвечает Б. И. СТУКАЛИН, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Скажите, пожалуйста, Борис Иванович, какой производственной мощью располагает каждый, если можно так выразиться, из трех «китов» Государственного комитета — книгоиздательства, полиграфия и книжная торговля! Просим Вас охарактеризовать современное состояние издательского дела в стране. Интересно было бы также услышать о развитии книгоиздания в районах, вовсе ранее не знавших книги.

— Широко известно, что с первых же послеоктябрьских дней Коммунистическая партия, В. И. Ленин заботятся о создании принципиально новой системы издания и распространения литературы, которая полностью отвечала бы интересам строительства социализма, духовным запросам народа. Такая система в основном сложилась еще в трудную для молодой Республики Советов пору гражданской войны. Книга наряду с другими средствами массовой информации и пропаганды стала действенным инструментом революционного преобразования всей социально-экономической жизни страны, созидания социалистической культуры, формирования нового человека. Ныне у нас ежегодно выходит более 80 тысяч наименований книг и брошюр общим тиражом свыше полутора миллиардов экземпляров. Выпуском литературы по всем отраслям знаний занято более двухсот центральных, республиканских и областных издательств.

За годы Советской власти создана мощная полиграфическая база. С печатных конвейеров страны ежеминутно сходит до трех тысяч экземпляров книг. Книготорговая же сеть страны насчитывает примерно 15 тысяч магазинов и 35 тысяч киосков. Кроме того, литературу распространяют сотни тысяч энтузиастов — нештатные пропагандисты книги.

Высокими темпами развивается периодическая печать. В СССР издается около восьми тысяч газет и шести тысяч журналов; разовый их тираж составляет более 300 миллионов экземпляров. На сто человек населения приходится 600 экземпляров книг.

Цифры эти говорят о многом. Особенно если учесть, что в царской России в 1913 году на сто человек населения приходилось 62 книги, да и выпускались они главным образом в центре. Разумеется, произошли огромные качественные изменения в характере нашего книгоиздания, в содержании литературы. Партийность, высокая идейность, подлинная демократичность — главные, определяющие черты советского издательского дела; книгоиздание в СССР носит ярко выраженный интернациональный характер. На 89 языках народов страны печатается литература, в том числе на сорока трех языках народов, которые до революции вовсе не имели своей письменности. Все нации и народности сегодня читают на своем родном языке. На всех национальных языках издаются труды основоположников марксизма-ленинизма, классическая отечественная и мировая литература. В республиках Средней Азии и Казахстане, где до революции грамотность населения едва достигала пяти — восьми процентов, за годы Советской власти выпущено свыше тысячи изданий ленинских работ, общий тираж которых достиг двадцати миллионов экземпляров. В десятках изданий вышли произведения В. И. Ленина на тувинском, чеченском, кумыкском языках...

Во всех союзных республиках сейчас выпускаются многотомные национальные энциклопедии; на каждом из языков малых народностей, даже если их численность составляет несколько тысяч человек, издается учебная литература. Лучшие произведения авторов всех национальностей широко переводятся на языки народов СССР.

В этом — одно из великих достижений ленинской национальной политики нашей партии, создавшей все условия для расцвета культур народов, их взаимообогащения.

— А какое место занимает Советский Союз по изданию книг в мире! Как влияет процесс разрядки международной напряженности на развитие издательских связей с зарубежными коллегами, на распространение советской литературы в других странах!

— Советский Союз занимает ведущее положение в мировом книгоиздании. Объясняется это не только количеством выпускаемых книг, бо́льшим, чем в любой другой стране. Огромным авторитетом среди читателей во всем мире советская литература пользуется благодаря тому, что умеет ярко и убедительно показывать исторические достижения советского народа в строительстве коммунизма и развитии социалистической культуры, нести людям правду о политике нашей партии, о советском образе жизни. Еще раз со всей наглядностью это показал проведенный ЮНЕСКО по предложению СССР Международный год книги. Многочисленные выставки подтвердили огромный интерес мира к нашим изданиям, широкую популярность среди зарубежных читателей. С большим успехом прошла, например, выставка литературы СССР в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, а также посвященные 50-летию образования СССР выставки в странах социалистического содружества, в Индии, Японии, Египте, ФРГ и других государствах. И не случайно одно из центральных мероприятий года книги — симпозиум ЮНЕСКО на тему «Книга на службе мира, гуманизма и прогресса» проведен у нас, в Москве... Наши книги распространяются ныне более чем в 100 странах мира; ежегодно устраивается свыше двух тысяч выставок советской литературы за рубежом, которые посещают десятки миллионов человек. Особенно большим авторитетом и любовью пользуется советская книга в странах социалистического содружества. Здесь созданы и десятки специализированных магазинов, продающих советскую литературу. И, кстати сказать, наши издания никогда не залеживаются на книжных полках. Наоборот, заказы на советскую общественно-политическую, художественную, научную и другую литературу растут из года в год. Увеличивается и количество переводов советских книг на языки народов социалистических стран. А всего переводится ежегодно более чем в пятидесяти странах мира около 2 500 наименований советских книг. Особую гордость вызывает тот факт, что по числу переводов на языки народов мира сегодня на первом месте стоят произведения Владимира Ильича Ленина.

Новые выдающиеся успехи ленинской внешней политики создают благоприятные условия для дальнейшего развития международного культурного обмена, в том числе в области издания и распространения литературы. Еще более возрос интерес всего мира к нашей стране, ее экономике, науке, технике, культуре, расширился спрос на советские издания. В связи с этим издательства заметно увеличивают выпуск книг для зарубежного читателя.

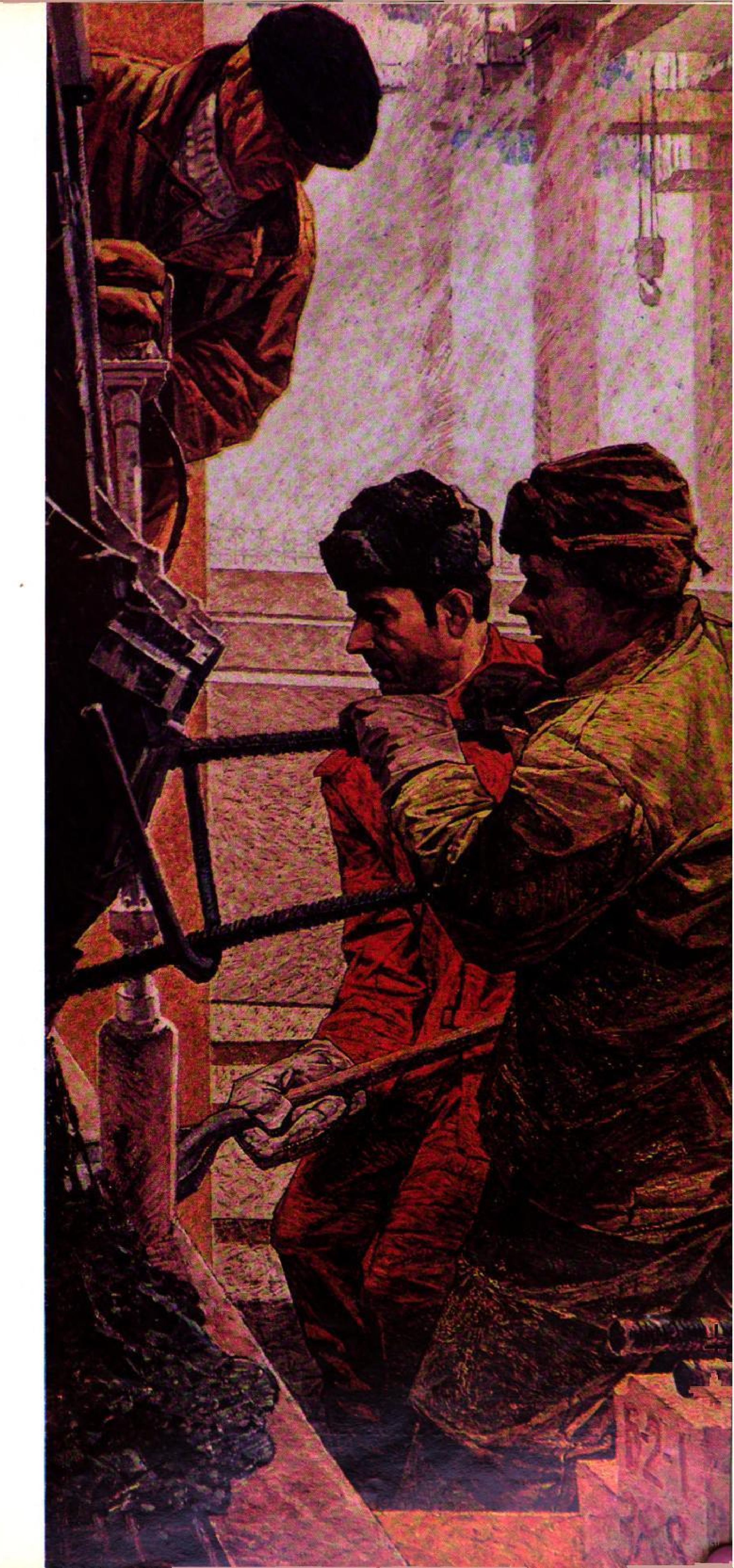
На наши деловые отношения с издательскими и книготорговыми фирмами капиталистических стран оказывает положительное влияние присоединение СССР к Всемирной (Женевской) конвенции по охране авторских прав. Многие фирмы США, Японии, ФРГ, Италии и других стран проявляют заинтересованность в приобретении прав на издание и распространение советской литературы, в организации совместного с советскими издательствами выпуска книг. Ожидается заключение взаимовыгодных контрактов в ближайшее время.

Как и прежде, советские издательства будут широко знакомить читателя с лучшими произведениями зарубежных авторов и новейшими трудами по различным отраслям знаний.

А. Курнаков (Орел)

СТРОИТЕЛИ

Центральная часть триптиха.

Художественная выставка «По родной стране».

В. Игошев (Москва). ДЕВОЧКА ИЗ НЯКСИМВОЛЯ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша **Родина**».

ПРЕКРАСНОЕ—В ЛЮДЯХ

«Прекрасное — в людях». Это не только название последней книги Александра Филатова, которая итожит труд поэта, отмечающего свое шестидесятилетие. Это гражданская позиция художника Страны Советов, глубоко, по-партийному убежденного в том, что деяния соотечественников, их вдохновенный и ратный подвиг во имя торжества коммунизма неповторимо прекрасны, что это и есть главная красота нашей жизни.

Александр Филатов — поэт со своей темой, своим видением мира, своей стихотворной «походкой». Пафос его поэзии — в прославлении человека труда: перечитайте хрестоматийно известные филатовские «Часы», его раннее стихотворение «Шаль», его поэму «У прокатных станов» или недавно созданные им поэмы «Сыновья наркома», «Мария», «Нежность России».

Весом и своеобразен вклад Александра Филатова в поэтическую Лениниану. Достаточно вспомнить широко известные, вошедшие во все лучшие поэтические сборники стихи и поэмы о Ленине.

У Александра Филатова свое поэтическое видение ленинской темы. Ленин и рабочий класс. Вот о чем прежде всего рассказывает нам взволнованно, правдиво, талантливо Филатов в поэмах и стихах о вожде, начиная от «Заставы Ильича» и кончая поэмами «Ленинский комиссар» и «Рождение имени», созданными им в последние годы.

Есть у Филатова еще одна любимая тема, которой он верен долгие годы. Это любовь

Александра Филатова к «чудесному ландышу» — поэту неповторимому и прекрасному — Сергею Есенину. Постепенно крепла и мужала у рабочего поэта дерзкая мечта: создать поэтический образ Есенина.

Отрадно видеть, как шаг за шагом, относясь в высшей степени требовательно к каждой строчке, посвященной Есенину, Александр Филатов настойчиво продвигается к заветной мечте. Уже стала сегодня известной и принята читательским сердцем филатовская поэма «Мать Есенина», продолжается разведка есенинской темы в стихотворении «На родине Сергея Есенина», в поэме «Нежность России».

К Александру Филатову рано пришла шумная слава. Рабочий паренек был замечен Горьким, стал делегатом Первого съезда советских писателей. И как хорошо, что Филатов выдюжил испытания славой, что он сумел очень требовательно отнестись к своему поэтическому таланту.

У него отличная и надежная «стартовая площадка». С юных лет его, пионера-детдомовца, усыновила рабочая семья столичных металлургов «Серпа и молота». В заводской многотиражке «Мартеновка» когда-то молодой вальце-токарь Саша Филатов напечатал свои первые стихи, ходил на занятия литобъединения «Вальцовка», руководить которым стал позднее.

Всем своим творчеством, жизнью поэта-бойца Александр Филатов по-братски и навсегда, кровно связан с теми, кто и сегодня у заставы Ильича варит сталь, катает прокат:

И поныне горжусь,
Что отсюда я родом,
Что с такими людьми я живу и расту!

Ю. ПРОКУШЕВ

— Большие тиражи наших изданий означают не только развитие полиграфической техники, но и рост расходования бумаги, а следовательно, неизбежное увеличение спроса на такое дефицитное сырье, как лес... Скажите, пожалуйста, Борис Иванович, каковы здесь потребности! И как скажутся они на лесной площади страны! Может быть, наука уже думает о каких-то заменителях! Проводятся ли какие-нибудь исследования, опыты! Каков их результат!

— Потребность в книгах, газетах и журналах растет столь быстро, что бумажная промышленность действительно не успевает обеспечивать полиграфию нужным количеством бумаги, а спрос на некоторые виды изданий вследствие этого удовлетворяется не полностью.

Древесина — исходное сырье для производства бумаги; на каждую тонну в среднем идет шесть кубометров леса. Много ли это?.. Поясню примером. Чтобы выпустить только одну книгу из двухсоттомной «Библиотеки всемирной литературы», требуется более трехсот тонн бумаги, или 1 800 кубометров древесины, то есть «урожай» спелого леса с двенадцати гектаров!.. Понятно, что наука уже вплотную — и небезуспешно — занимается поиском заменителей бумаги. Распространение в мире получает бумага синтетическая. У нее есть даже ряд преимуществ перед обычной бумагой: она необычайно прочна, долговечна, успешно применяют ее для изготовления географических карт, атласов, некоторых справочных и учебных изданий. Но стоит эта бумага значительно дороже... В нашей стране разработку новых видов бумаги с использованием синтетических волокон ведет ЦНИИ бумаги Министерства целлюлозно-бумажной промышленности. Мы надеемся, что наши ученые и технологи создадут эффективную возможность сохранения лесных богатств страны при полном обеспечении сырьем отечественной полиграфии.

— Книги девяностых годов... Известны ли уже комитету главные цифры, характеризующие развитие книгоиздания в ближайшие десятилетия! Каковы основные тенденции и факторы, особенно заметно влияющие на характер книги! Какие перемены ожидаются в ее содержании и оформлении!

— В настоящее время ученые и специалисты разрабатывают прогноз развития нашей отрасли на ближайшие 10—15 лет. Можно высказать лишь предварительные соображения. Как будет расти объем печатной продукции? Есть основания полагать, что выпуск журналов к девяностым годам увеличится в три раза, газет — в два с половиной, книг — более чем в два раза. Соответственно возрастут и мощности полиграфической промышленности.

На основании тщательного изучения основных тенденций развития советского и мирового книгоиздания, потребностей народного хозяйства, науки и культуры Всесоюзная книжная палата подготовила прогноз возможных изменений в тематике книг, соотношении различных видов литературы, в способах их оформления и распространения. Надо сказать, что значительных перемен в общей структуре книжных изданий с точки зрения их целевого назначения не ожидается. Все виды литературы, которые издаются ныне, будут выходить и в последующие годы. Роль и место книги в нашем обществе не потерпит существенных изменений. Предсказания некоторых западных футурологов о близком якобы «закате книжного века» не имеют под собой реальной почвы: ни одно из бурно развивающихся в наше время технических средств массовой информации не способно заменить книгу. Вместе с тем телевидение, радио, запоминающие устройства, другие средства доставки информации, основанные на самых последних открытиях науки, будут оказывать заметное воздействие на книгоиздание и даже на характер и облик книги.

К концу нынешнего столетия ожидается значительное увеличение изданий научной литературы. Примерно в три раза возрастет выпуск научно-информационных изданий. Отражая научный прогресс, дальнейшую дифференциацию наук, быстрыми темпами будет развиваться научно-популярная литература, возрастут и тиражи и количество названий.

Одним из самых распространенных видов изданий в 90-х годах будет разнообразная справочная литература; весьма заметно повысятся ее средние тиражи. Зато, по-видимому, снизится доля учебной литературы в общем объеме изданий вследствие того, что в стране образуется значительный фонд стабильных и долговечных учебников (особенно школьных); развивается система обеспечения школьников и студентов учебной книгой через библиотеки.

Теперь о самом облике книги. Предполагается, что большинство изданий станет за счет уменьшения формата и объема более портативным, удобным для пользования. Найдет применение способ частичного обновления изданий благодаря сменным блокам, что позволит избегать переизданий книги. Литература различного назначения все чаще будет снабжаться кассетами с пластинками, видеозаписями и т. п. Можно ожидать распространения такого оформительского новшества, как объемные иллюстрации; рисунок и фотография будут вообще занимать в изданиях разного типа еще более заметное место.

Мы уверены, что все эти перемены в издательском деле еще выше поднимут значение советской книги как могучего источника знаний и опыта, носителя передовых идей и непреходящих культурных ценностей народов.

16 СЕНТЯБРЯ —
30-ЛЕТИЕ
ОСВОБОЖДЕНИЯ
НОВОРОССИЙСКА

ПОДВИГ Н

ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД РОДИНОЙ, СТОЙКОСТЬ, МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ТЯЖЕЛЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ ЗАЩИТНИКАМИ НОВОРОССИЙСКА, ГОРОД НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ.

Олег СКУРАТОВ

Второй раз в жизни я в Новороссийске. Выхожу из автобуса на нагретый асфальт автостанции и в самом конце улицы вижу синюю полоску Цемесской бухты. Так было и прежде, и память властно возвращает меня в далекий день...

Тогда, в 1943 году, от Краснодара добирались сюда полуторкой. Она тащилась по степи весь день, а иногда и вовсе останавливалась посреди истерзанной танковыми гусеницами дороги. К вечеру полуторка доползла до города...

Мне предстояло разыскать дом, в котором до войны жил мой брат, узнать, что случилось с его женой и детьми.

Улица, которую я искал, находилась недалеко от пристани. У причала виднелся затонувший корабль. На серых орудийных башнях сидели чайки. У берега ходил часовой. На одном из домов висела чудом сохранившаяся табличка с названием. От нее я начал отсчитывать. Дом номер десять, восемь... Мне нужен был четвертый. Он лежал, обрушенный на мостовую, далеко разбросав осколки кирпичей. Из груды щебня торчала изогнутая железная балка, на ней висела дощечка: «Разминировано».

Таким я запомнил Новороссийск осенью сорок третьего...

И вот я снова иду по улицам города. Спустя тридцать лет. Вновь спускаюсь от автостанции к берегу моря. Теперь все иначе. Новые кварталы привычно, будто они стояли здесь всегда, сбегают к воде.

День догорал, вода у пристани потемнела. Но на горной гряде восточного берега еще властвовало солнце, высвечивая откосы карьеров и циклопические трубы цементных заводов. И, пожалуй, со всех улиц была видна на вершине выложенная белым камнем огромная цифра «30». Столько лет минуло после отгремевшего здесь жестокого сражения.

...Венедикт Иванович Лаврентьев возглавляет городскую секцию ветеранов войны. Вместе с ним поднялись мы по горному склону вдоль заросших, обмелевших окопов. В старых воронках прозрачно зеленел орешник. Здесь, у перевала Волчьи Ворота, в сентябре 1942 года первыми встретили врага артиллеристы старшего лейтенанта Лаврентьева.

— Корректировщик доложил мне, — рассказывал Венедикт Иванович,— что вражеская колонна вошла в сороковой квадрат, идет по краснодарскому большаку... Впереди — восемнадцать танков. Сзади — грузовики. Конец колонны не просматривается...

Пересекая каменистый склон, перед орудиями тянулась тонкая нить окопов, в которых виднелись бескозырки курсантов. Это был последний резерв, направленный командованием для защиты перевала.

Щелкнули замки шестидюймовок, принимая снаряды. Танки уже шли на подъем. Залп... Пламя заплясало на броне головной машины. Другой танк двинулся было в объезд, но тоже вспыхнул, накрытый вторым залпом. На шоссе—пробка. Автоматчики, высыпав из грузовиков, развернулись в боевой порядок, пошли в атаку.

За первой атакой последовали вторая, третья... Скоро им потеряли счет. Пять дней враг не мог протаранить оборону батальона курсантов и артиллеристов батареи Лаврентьева. В небе кружились фашистские самолеты. Горели деревья, дымился деревянный настил, на котором стояли орудия, от разрывов снарядов крошились окружающие скалы... Но «орлиное гнездо», так называли перевал новороссийцы, держалось. А когда немцы подошли, наконец, к пушкам вплотную, в них полетели камни: снарядов уже не было...

— Мы получили приказ прорваться к Мысхако, — сказал Венедикт Иванович. — И тот, кто был в силах держать оружие, пошел в штыковую атаку. Ночью пробились к берегу бухты. Весь батальон поместился в одном баркасе...

В те дни сентября сорок второго обескровленная в непрерывных боях 47-я армия не могла создать под Новороссийском сплошного фронта. Враг ворвался на улицы... Гитлеровцы захватили порт, подошли к зданию школы, где находился штаб обороны города. Долго не могли немцы взять трехэтажный дом на Октябрьской площади: им мешал огонь станкового пулемета, что бил из окна. Враг подтянул орудия, дал несколько залпов. Оконные проемы заволокло дымом. Гитлеровцы поднялись было в новую атаку, но пулеметная очередь вновь отбросила их назад...

Командование направило к пулеметчикам подкрепление. Пробившись в горящее здание, моряки увидели трех погибших товарищей. Четвертый матрос был ранен. Лежа на окровавленном щебне, он подавал ленты пулеметчику-мальчишке в красном галстуке.

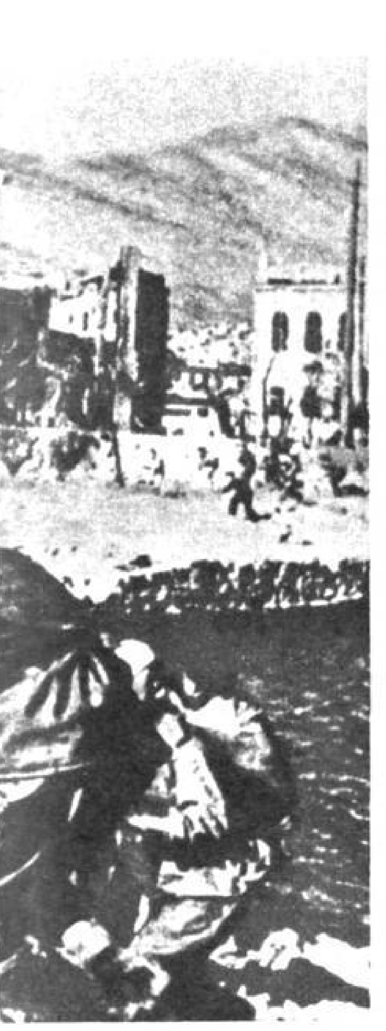
— Уходи, сынок, немедленно уходи отсюда! — крикнул пожилой мичман. — Спасибо за службу, но уходи!

— Приказа не было, — ответил пионер.

Теперь в городском музее у картины, на которой изображен подвиг четырнадцатилетнего Вити Новицкого, подолгу стоят мальчишки в красных галстуках...

Новороссийский цемент... Эту продукцию знают не только в нашей стране. Заводы Кубы и Болгарии, причалы Йемена, фундаменты

ОВОРОССИЙСКА

Герой Советского Союза Цезарь Куников.

Десант у клуба портовиков.

Бои в Новороссийске.

Герой Советского Союза Н. И. Сипягин.

варшавских кварталов скреплены на века первоклассным новороссийским цементом. В грозные дни обороны города в серых корпусах цементных заводов «Пролетарий» и «Октябрь», не затихая ни на час, гремели яростные бои. Поднятый взрывами цемент непроницаемой пеленой заволок небо. Словно в тумане, мелькали багровые вспышки, в упор били орудия, под обвалами стен погибали люди. В этом кромешном аду стояли насмерть части 318-й стрелковой дивизии полковника В. А. Вруцкого.

Сейчас на месте боев поднят на каменный пьедестал остов железнодорожного вагона. В дни обороны он стоял на переднем крае. Тысячи пробоин и рваных ран зияют в его металлическом теле. А на холме у заводских ворот — легендарный дот, о котором в те грозные дни часто сообщалось в сводках Информбюро. Собственно, не дот — просто сарай, сложенный из ракушечника. Однажды ночью в сарай ворвался взвод лейтенанта Турсунбекова. С этого часа он и стал неприступным дотом. Десятки раз пытались фашисты захватить «сарайчик» (так называли дот в батальоне и в сводках Информбюро), но защитники отбили все атаки.

Отчаявшись прорваться на Туапсе, немецкое командование отдало приказ перейти к обороне. План захвата Кавказа, закодированный гитлеровской ставкой названием «Эдельвейс», получил под Новороссийском смертельную пробоину.

...Есть на площади Героев могила человека, имя которого знает каждый новороссиец,— могила майора Цезаря Куникова. «Под его руководством совершена 3 февраля 1943 года легендарная операция на Малую землю»— так начертано на каменном обелиске.

Бывший командир штурмовой группы Иван Минович Ежель рассказал:

— Майор Куников получил право отобрать добровольцев в любых частях и экипажах. Он лично говорил с каждым бойцом. Не скрывал, что будет трудно...

Ежель достал потертый, хранящийся в альбоме листок:

— Вот наша клятва. Ее написал Куников на фанерном щите перед самой посадкой на корабли. Он и расписался первый...

«Идя в бой, мы даем клятву Родине... в том, что будем действовать решительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Нашим законом есть и будет — движение только вперед. Мы победим. Да здравствует наша победа!»

В ночь на 4 февраля восемь катеров капитан-лейтенанта Сипягина вышли в море. Свежий ветер гнал мерцающие в темноте волны. Катера качало... Вот впереди зачернел занятый врагом берег. Внезапно огненные полосы прочертили ночь—с корабля сопровождения ударили реактивные установки. Первый ракетный залп в море! Скромному тральщику «Скумбрия» выпала судьба быть первым ракетоносным кораблем нашего флота. Ведомый капитаном Терновским тральщик своим огнем ошеломил гитлеровцев. На берегу поднялись огромные столбы пламени.

Вражеские батареи открыли заградительный огонь, но под килями катеров уже поскрипывало дно—до берега осталось метров тридцать.

— Вперед! — прозвучала команда Куникова, и моряки бросились в ледяную воду. Взрывы гранат, автоматные очереди, яростные крики стремительно неслись по Суджукской косе. Дрогнули гитлеровцы, не выдержав дружного матросского натиска. А десантники уже разворачивали захваченные орудия.

— Вперед!

Бойцы добежали до железнодорожной насыпи, подавили гранатами пулеметные точки у рыбозавода, захватили причал. С того времени, как катера ткнулись в берег, прошло десять невероятно быстрых минут.

Командование немедленно направило на плацдарм новые боевые группы. Но пока они были в пути, Куников с двумя сотнями моряков ворвался в Станичку — предместье Новороссийска.

Всю ночь катера Сипягина бороздили вздыбленную воду бухты. Осколки прошивали

борта, на палубах погибали бойцы, но как только катера достигали причала, десантники устремлялись к затянутой дымом Станичке. Все понимали: рассветет — ни один корабль не пробьется к берегу.

К утру под командованием майора Куникова собралось восемьсот бойцов. Враг тем временем пришел в себя. На клочок земли, занятый десантниками, обрушился удар всей вражеской авиации, что действовала на Кавказе. В полдень танки и пехота врага двинулись на задымленные окопы куниковцев... Вскоре штаб армии получил с плацдарма шифровку: «Осталось по два диска на автомат, на исходе гранаты». А по цепи передали листовку, написанную от руки Цезарем Куниковым:

«Мы стоим на своей земле... И не мы, а фашисты уйдут отсюда. Никто не сделает ни шагу назад, даже если будет грозить неминуемая смерть».

Весь этот страшно длинный день с восточного берега с великой тревогой следили за судьбой десантников. О том, чтоб добраться до них, нечего было и думать. Приходилось ждать ночи, но зимнее солнце словно остановилось в небе.

И куниковцы совершили невозможное — выстояли против десятикратно превосходившего врага. Ночью к Малой земле, так назвали свой плацдарм десантники, подошли канонерки. Командование направило сюда лучшие части.

Шли месяцы, и с каждым днем росла боевая мощь защитников Малой земли. Каждый день рождал новых героев. И никакие «генеральные» и «решающие» наступления фашистских дивизий не смогли поколебать их гранитную спаянность и отвагу.

Мужественный коллектив политотдела 18-й армии вел на плацдарме многогранную политическую работу. Среди нового пополнения распространялся опыт и традиции малоземельцев. В «боевых листках» рассказывалось об авангардной роли коммунистов в бою.

В окопах, в землянках бойцы часто видели начальника политотдела 18-й армии полковника Л. И. Брежнева. Много раз на катерах и сейнерах переправлялся он на Малую землю через кипящую разрывами бухту.

...В ночь на десятое сентября 1943 года артиллерия 18-й армии, которой командовал генерал К. Н. Леселидзе, обрушила на вражеские позиции шквальный огонь. Под его прикрытием в Цемесскую бухту ворвались корабли с десантниками.

Путь в порт преграждала укрепленная дотами каменная гряда западного и восточного мола. А узкий просвет входа в гавань закрывали бронесетевые заграждения. Катера прорыва начали беспримерную в истории флота торпедную атаку береговых укреплений. Грохот исполинских взрывов заглушил гул пушек... Выпустив торпеды, катера отворачивали в сторону и, описав дугу, снова устремлялись к цели. Там, где минуту назад стояли доты, стеной вскипала вода.

Над бухтой замелькал сигнал:

— Вход в порт свободен!

Первым сквозь каскады воды в акваторию порта влетели катера отряда капитан-лейтенанта Глухова. На глазах у врага, под ураганным обстрелом катера промчались через всю Цемесскую бухту прямо к пристани в центре Новороссийска.

На палубах кораблей находились бойцы 393-го батальона — ветераны отряда Куникова. Теперь ими командовал боевой соратник погибшего комбата капитан Ботылев, человек исключительной смелости и решительности.

Стремительным броском бойцы захватили пристань и выбили врага из клуба портовиков. Лестница этого клуба и сейчас хранит следы боя. На широких ступенях хорошо видна оставленная осколками клинопись войны...

...Боец 393-го батальона Иван Гичьян — ныне один из строителей Новороссийска. О встрече мы договаривались по телефону, и теперь, стоя у подъезда клуба, я старался угадать, кто из прохожих—бывший куниковец... Но, конечно, не угадал, думал, встречу пожилого ветерана с планками боевых наград.

Он вынырнул из толпы — загорелый, крепкий — и еще издали махнул рукой.

— Гичьян. Простите, что запоздал. Весь день не ладилось на работе!

Мы стояли рядом с памятной надписью, укрепленной на клубной стене. Это была страница истории, героическая страница подвига бойцов батальона Ботылева, и я еще не совсем свыкся с мыслью, что эта надпись и о нем — Гичьяне.

Мы поднялись на второй этаж.

— Сейчас здесь и не узнать ничего, — смущенно сказал Гичьян,— только окна на том же месте. Вот у этого стоял я, а из того, из углового, стрелял Рубахо. Первый снайпер в Новороссийске. Кажется, отсюда он своего трехсотого уложил.

Гичьян повернулся ко мне и улыбнулся.

— Как ножом тогда рассекли немецкую оборону. Две роты двинулись штурмовать вокзал, а наша дралась здесь. Бывали минуты, когда казалось — вот-вот сомнут. Но комбат всякий раз кричал нам: «Смотрите, братки, фрицы выдохлись. Сейчас побегут!»

Шли пятые сутки ожесточенного сражения. Ряды десантников таяли, боеприпасы подходили к концу, но клуб портовиков стоял, как крепость. Бойцы видели в окна, как по восточному берегу бухты, беря с боем каждый квартал, приближались полки комдива Вруцкого.

— Шестнадцатого сентября,— продолжал Гичьян,—вон с той стороны выскочили «тридцатьчетверки», прогромыхали по набережной, враг побежал... А у нас вдруг все стихло... Мы вышли на улицу и давай стрелять вверх. Настоящий салют был!

...Однажды Венедикт Иванович Лаврентьев привел меня в порт. Мы вышли на причал.

— Вот здесь,— сказал он,— летом сорок второго погиб от вражеской бомбы лидер «Ташкент». Да, прямо у берега... Легендарный был корабль. Много раз он уходил из Новороссийска, прорываясь под отчаянной бомбежкой в осажденный Севастополь. В последнем рейсе «Ташкент» взял на борт в городе-герое раненых, детей и женщин. Прямо на палубу погрузили холсты знаменитой панорамы Рубо «Оборона Севастополя». Этим же рейсом возвращался в Новороссийск писатель Евгений Петров, бывший тогда редактором «Огонька». Он вез в редакцию очерк о защитниках Севастополя. Весь путь от берегов Крыма «Ташкент» вел неравный бой с «юнкерсами». Я видел, как израненный корабль входил в Цемесскую бухту. Тысячи людей встречали его. Через несколько дней фашистские самолеты прокрались за облаками к порту и ринулись на корабль. Первая же бомба разворотила борт. Это было вот здесь, у самого берега...

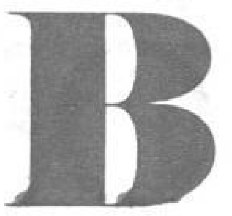
И вновь до мельчайших подробностей я вспомнил день первого приезда в Новороссийск... Эту набережную, тогда она была изрыта воронками, серые башни затонувшего корабля, над которыми носились чайки...

Невольно я оглянулся. Ведь совсем рядом должна начинаться та улица! Та самая, на которой погибли под бомбами жена и дети моего брата. Я попросил Лаврентьева пойти туда вместе со мной. Через минуту мы оказались у трехэтажного углового дома. В сорок третьем этот дом был единственным уцелевшим на всей улице. Как и в тот давний день, я начал отсчитывать. Номер десятый, восьмой... И вот я стою у незнакомого дома, который до войны был четвертым.

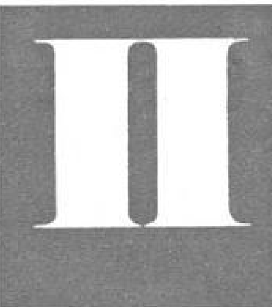
На балконах по-южному зеленеют виноградные листья, из двора доносятся голоса. А я говорю Лаврентьеву о том далеком дне сорок третьего года, когда на этом месте торчала из груды щебня железная балка...

— Да, и для вас Новороссийск навсегда стал памятным...— произносит Венедикт Иванович. Что же говорить о тех, кто сражался здесь?.. Ведь где бы ни воевал потом, где бы ни жил после войны защитник Новороссийска, частица его сердца осталась на этой земле... Единственной для каждого, кто бился здесь.

И я подумал о том, как в дни тридцатилетия новороссийской победы встретятся здесь ветераны отряда Куникова, дивизии Вруцкого, бойцы прославленных батальонов морской пехоты. Они придут на изрытый воронками берег Малой земли, к причалам, на которые под бешеным огнем высаживались с катеров... И как бы вновь вернутся в свою военную молодость. В суровый и светлый час освобождения Новороссийска.

Владимир ЛЯСКОВСКИЙ

оручение полковника озадачивало: немедленно раздобыть финские ножи, непромокаемые резиновые кисеты для табака и махорки, а также разное другое снаряжение, необходимое для предстоящей десантной операции.

— Для моряков-десантников очень важно иметь сухой табачок,— полушутливо сказал полковник.

— За табачком дело не станет,— ответил адъютант.— И подумал: «Что это значит — табачок для моряков-десантников? К чему надо готовиться?» Улыбка уже исчезла с лица полковника. Он сидел погруженный в раздумья. Предстояла одна из самых сложных и рискованных операций среди тех, какие им пришлось пережить на фронте, отходя с непрерывными и жестокими боями от Днепра до Кавказа.

...С тех пор прошли десятилетия. Десант на Малую землю стал символом мужества, стойкости и воинской доблести. О нем написаны книги, пьесы, сложены песни. Дмитрий Шостакович посвятил памяти павших под Новороссийском волнующий реквием. Мне, как бывшему корреспонденту газеты «Комсомольская правда» по Южному фронту и Черноморской группе войск, многое известно в боевой летописи героической 18-й армии. И все же каждая новая встреча с ветеранами армии как бы позволяет прочесть еще одну страницу этой летописи.

Сейчас, когда я сижу рядом с Иваном Павловичем Кравчуком, смотрю, как жилки пульсируют на его седых висках, а у светло-голубых, по-детски доверчивых глаз вздрагивает сетка морщинок, я улавливаю, как басовитый, с хрипотцой голос его порой срывается...

Навел меня на след Кравчука Алексей Николаевич Копенкин. Мы познакомились с Копенкиным нынешним летом в Москве. Он принадлежит к числу ветеранов-энтузиастов, которые полны забот о том, чтобы, не упуская подробностей, воссоздать боевую историю родной 18-й армии.

— Я не вел дневников на Малой земле,— говорил мне Копенкин.— Дел у меня, как у политработника, было по горло. Естественно, что я и сейчас стараюсь следить за всеми публикуемыми материалами о воинах Малой земли. Морские пехотинцы, переправленные туда «тюлькиным флотом» — мотоботами, рыбацкими сейнерами, баркасами, действи-

Т Е Д Н И

Начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев и старший политрук И. П. Кравчук на Малой земле. 1943 год.

тельно показывали чудеса храбрости. Фашисты не зря называли их «полосатыми дьяволами» и «трижды коммунистами». Хочу обратить ваше внимание еще вот на что: вся 18-я армия специальным приказом ставки была преобразована в десантную армию. Подчеркиваю — вся. На Малой земле за семь месяцев боев побывали десятки тысяч бойцов, и все они бок о бок с моряками выполняли свой воинский долг.

Нельзя не согласиться с Копенкиным: уже одно то, что вся 18-я армия была десантной, придает ее боевым действиям под Новороссийском особую значимость. У нас есть города-герои, есть и плацдармы-герои. Малая земля — небольшой плацдарм. А какое это было средоточие несокрушимой выдержки, стойкости, отваги! Это был поистине образец массового героизма бойцов, командиров, политработников всех родов войск. Невиданной масштабности подвиг, подготовленный коммунистами! И вот, рассказывая о товарищах по оружию, вспоминая смелых политработников, сотрудников армейской газеты, писателя Героя Советского Союза Сергея Борзенко, Копенкин говорил:

— Есть еще один очень интересный человек. Не знаю, удастся ли вам вызвать его на откровенность. Но рассказать о нашей армии может многое... Кравчук Иван Павлович... Адъютант начальника политотдела армии.

...В поселке Володарка, неподалеку от Белой Церкви, Киевской области, мне без труда удалось найти его. Водитель автобуса, лихо прищелкнув языком, воскликнул:

— Да кто же в Володарке не знает Кравчука? Он тут и председателем райисполкома был и пятнадцать рокив Межколхозстроем керував, всю Володарку преобразил. А хата его на берегу реки Рось стоит. В саду увидите гнездо аистов. Там и проживает Кравчук.

Нахожу Набережную улицу. Одноэтажный домик утопает в зелени. Во дворе, под раскидистой грушей, у которой вьются пчелы, брезентовая палатка с раскладушкой. Цветы до самого забора, у которого плещется, петляя в камышах, речушка. Окна в доме распахнуты, в сад льется песня. У крыльца стоит женщина, перебирающая в тазу вишни. Знакомимся. Мария Максимовна, жена Кравчука, зовет мужа. И, пока хозяин не появился, она, смущенно улыбаясь, говорит про песню:

— Це мий Иван свою любимую пластинку заводит. Лечились мы с ним в Хмельнике, радикулит изгоняли. Ну, Ванечка и услышал там эту песню «Верба». Записал на пластинку и со своим приветом рассылает теперь всем друзьям-однополчанам. Это, говорит, мой скромный подарок к тридцатилетию сражения под Новороссийском. А вот и он сам...

— Чулы писню? Гарна писня! За самое сердце берет,— говорит Кравчук.— Хмельник — це перспективный курорт, украинское Цхалтубо. А родон — це могучая штука, все фронтовые хворобы как рукой снимает. Не думал, не гадал, что через тридцать лет снова попаду в Хмельник.

И продолжает:

— Под Хмельником наша 18-я армия фашистские танки громила... Немцы тут в клещи пытались наши дивизии взять, да провалился их замысел. К тому времени наш брат-фрон-

Л. И. Брежнев на окраине Новороссийска, на боевых позициях, среди офицеров 318-й стрелковой дивизии. 1943 год.

товик научился, как с этими клещами обращаться...

И тут Кравчук ведет меня в сад показывать гнездо аистов. Из гнезда торчала тоненькая шейка аистенка.

— К полету рвется,— поясняет Кравчук.— Ни одна птица так своего младенца не воспитывает, как аист. Сразу к самостоятельности приучает. Аист, он, как солдат, никогда товарища в беде не бросит. Если кто из аистов устанет в полете или получит ранение, остальные спешат ему на выручку, подставляют спины тому, кто терпит бедствие. Солдатская черточка!

...В прошлом году земляки отметили 60-летие Ивана Павловича. Во Дворце культуры состоялся вечер, где юбиляру вручили почетные грамоты и адреса. Коллеги по сельскому строительству назвали его «колхозным прорабом» и, перечисляя заслуги Кравчука, привели весьма внушительные цифры: возглавляемый им Межколхозстрой возвел в ту пору восемь Домов культуры, шесть средних школ, каждая на 320 мест, со спортивными залами, столовыми, учебными кабинетами, районную больницу, родильный дом, баню, кинотеатр, семьдесят добротных животноводческих помещений, много складов для зерна и удобрений. На юбилейном вечере отмечалось, что Кравчук после войны не почивал на лаврах, к его фронтовым наградам заслуженно прибавились ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

На торжественном вечере были оглашены поздравительные адреса от однополчан. Москвичи генерал В. Гладков, офицеры А. Копенкин, С. Пахомов и А. Зарахович писали фронтовому товарищу: «Иван Павлович, дружище! А мы помним тебя все еще прежним — молодым, энергичным, с голубыми петлицами на гимнастерке и с летной кокардой на фуражке. В пору тяжелой борьбы не на жизнь, а на смерть ты всегда был на высоте стоящих перед армией задач. Мы особо признательны тебе, Иван Павлович, за то, что ты проявил немало забот, храбрости и мужества, оберегая жизнь всеми нами любимого человека — нашего бывшего начальника политического отдела армии Леонида Ильича Брежнева...»

Иван Кравчук еще на Днепре в августе 1941 года стал порученцем у бригадного комиссара Л. И. Брежнева.

— И до последнего дня войны, до самой Праги, я был адъютантом у Леонида Ильича,— вспоминает Кравчук.

Под Новороссийск Кравчук попал уже закаленным, обстрелянным воином—старшим политруком. Позади жаркие схватки на равнинах Приднепровья, у терриконов Донбасса, в бескрайних степях под Ростовом. Кравчук вспоминает Цезаря Куникова.

— А знаете, кто предложил послать майора Куникова с десантом в Станичку? Леонид Ильич. Он Куникова проверил еще в ноябрьских боях под Ростовом. Майор командовал там отрядом водных заграждений и умело использовал фактор внезапности. Дерзко, самостоятельно действовал в плавнях. Куников с честью оправдал доверие начальника политотдела. Помню, приехали мы однажды в поселок недалеко от Геленджика, там будущие десантники тренировались. Начальник политотдела не давал особых наставлений майору, но как старший товарищ рекомендовал ему морально подготовить отряд ко всяким неожиданностям.

У Цезаря Куникова была второстепенная задача, его группе поручался демонстративный десант, чтобы отвлечь внимание противника. А тем временем наши войска должны были высадиться в Южной Озерейке. Но «тюлькину флоту», направлявшемуся в Южную Озерейку, не повезло. Противник, шаря по волнам прожекторами, обнаружил суда, открыл бешеный орудийный и минометный огонь. Десантники вынуждены были вернуться на свои базы.

А Куников в это время делал свое дело. Опрокинув вражеский заслон в темноте, он зацепился своим небольшим отрядом за узкую полоску земли на окраине Новороссийска, в рыбачьем поселке Станичка, и открытым текстом передал по рации: «Полк высадился, расширяем плацдарм, следите за нами».

Леонид Ильич, познакомившись с первой радиограммой Куникова, сказал: «Узнаю почерк нашего Цезаря!»

Вслед за отрядом Куникова под огнем противника на Малую землю начали высаживаться батальоны, полки, бригады...

Путь от Геленджика до Мысхако бойцы назвали «дорогой смерти». Фашистские самолеты гонялись буквально за каждым катером. Немало наших судов ушло здесь на дно. У противника на Малой земле были самые выгодные позиции. На причалах Цемесской бухты — мины разного калибра, магнитные и акустические. На вершинах гор стояли батареи. От макушки Сахарной головы до цементного завода — шесть линий траншей, оцепленных колючей проволокой, через которую был пропущен ток высокого напряжения. У Мыса любви — шестиствольные минометы: тут отважно дрались наши пограничники.

Встретившись с Кравчуком, я попросил его рассказать, в каких подразделениях ему довелось побывать, сопровождая Л. И. Брежнева в эти семь месяцев напряженных, полных драматизма боев.

— Пытання це нешуточное,— ответил он.— Нешуточный вопрос. Где фриц сильнее напирал, чтобы сковырнуть десантников, сбросить их в море, туда и направлялся полковник. Ну, а я, как тень, за ним. Вместе с батальонами

стрелковых бригад отбивали контратаки врага. Большой интерес начальник политотдела проявлял к делам 176-й стрелковой дивизии, по многу раз бывал в траншеях 107-й отдельной стрелковой бригады, на позициях, занимаемых полком НКВД.

Иван Павлович неторопливо закурил сигарету и кашлянул.

— Представляете картину: на мне, кроме шинели, набухшей от воды, два автомата, запасные диски к ним, маузер на боку, трофейный «вальтер» в кобуре, гранаты у пояса, в вещевом мешке — сухари, консервные банки с тушенкой, на ремне фляга. А за голенищами кирзовых сапог — целый набор ножей и кинжалов. Это для рукопашного боя. Идем в темноте, кругом тихо, и вдруг голос полковника: «Жив, Иван?» Отвечаю: «Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела». На передовой под вражеским обстрелом Леонид Ильич вручал партийные билеты бойцам, пожимал им руки. Каждому теплое и душевное слово скажет, у каждого спросит: «Приходят ли письма из дома, нет ли жалоб от жены на бюрократов-тыловиков?» Случалось, обернется ко мне и прикажет: «Запиши адрес. Пошлем бумагу». Нередко он добивался у командования, чтобы отличившихся солдат отпускали на Большую землю в виде поощрения — если, конечно, дела у солдат того требовали и обстановка позволяла. Не давал спуску тем интендантам, что плохо обеспечивали провизией, обмундированием. За нерадивость строго наказывал... А о солдате очень заботился...

Вспомнил Кравчук, как однажды пробирались они по ходам сообщения в «Долине смерти». Противник методически вел обстрел из минометов. «Давайте чуточку переждем»,— предложил Кравчук. Брежнев нетерпеливо посмотрел на часы и покачал головой. Полковник сам не терпел опозданий и другим того не прощал. Вот и перебегали из воронки в воронку. И вдруг Кравчук схватил полковника за руки: «Не пущу». И через секунду в той воронке, куда хотели они прыгнуть, разорвалась мина. Леонид Ильич посмотрел на адъютанта и негромко произнес: «Спасибо, Иван».

— В капонире, где раньше стояла батарея береговой обороны, размещался лазарет. Начальник политотдела часто беседовал с ранеными бойцами и командирами, интересовался у врачей и санитаров, в чем испытывают нужду. И когда возвращались в штаб армии, требовал: «Посмотри в свои записи, что там по части медицины...»

В конце февраля 1943 года на Малую землю высадился 16-й стрелковый корпус генерал-майора Перекрестова. Комиссаром у него был Порфирий Александрович Штахановский. Как-то встречает он нас у полузатонувшей баржи и говорит: «Это ваш юбилейный рейс в корпус, товарищ полковник. В двадцать пятый раз пожаловали к нам по «дороге смерти».

...Кравчук хорошо знал характер своего командира. В начале тридцатых годов они вместе работали на Днепродзержинском металлургическом заводе: Леонид Ильич — инженером, а Кравчук — подручным вальцовщика. По совету Л. И. Брежнева паренек поступил на вечерний рабфак. Вскоре Кравчука избрали секретарем комсомольской организации Коксохимстроя. Там и полюбилась ему чернобровая дивчина в красной косынке, токарь винторезного цеха комсомолка Марийка. Сыграли в общежитии свадьбу...

— А чего ж ты, Ванюша, фотографии гостю не показываешь? — говорит мужу Мария Максимовна.

И вот на столе появляется бережно хранимый пакет с фотографиями.

—...Бригадный комиссар Леонид Ильич Брежнев на Южном фронте,— комментирует Кравчук.— Сорок первый год. Битва за Ростов. Крепко тогда намяли бока немецкому генералу Клейсту... А этот снимок сделан, когда в политотдел приезжал академик Митин. По просьбе Леонида Ильича он выступал с лекциями перед воинами. Ну, а тут ваш покорный слуга... Леонид Ильич дает мне поручение. Было это, кажется, в мае сорок третьего.

...Кравчук сидит задумчивый, вспоминая суровую обстановку той поры.

Защитники Малой земли всегда видели Леонида Ильича на передовой, рядом с собой. Продолжая комментировать фотографии, сделанные на Малой земле, Кравчук рассказывает, как в апреле немцы разбросали с самолетов листовки, пытались запугать наших бойцов: дескать, фашисты готовятся отметить день рождения Адольфа Гитлера и получили строжайший приказ фюрера навсегда покончить с десантниками. Леонид Ильич прочитал листовку, усмехнулся и спросил: «Нет ли у тебя, Иван, желания побывать на именинах у бесноватого фюрера?»

— Вот во время этих проклятых именин,— улыбается Кравчук,— понял я, что означают слова «земля ходуном ходит»... За пять дней противник сбросил на нас более семнадцати тысяч авиабомб, восемьдесят артиллерийских и минометных батарей день и ночь, не переставая, долбили многострадальную Малую землю. Всю ее металлом перепахали, всю. Фашисты рассчитывали, что никто в окопах не уцелеет. Это были критические дни. Все, кто мог держать оружие, пошли в атаку. В едином строю с малоземельцами с автоматом в руках вел тогда огонь по противнику и Леонид Ильич Брежнев. А после этого страшного боя, когда мы отбросили фашистов, я увидел трогательную сцену — она и запечатлена на фотоснимке. Вот видите? Плечистый морской пехотинец подошел к Леониду Ильичу, лихо распахнул ворот гимнастерки и сказал: «Убедился я в бою, товарищ полковник, что по духу вы настоящий моряк. Возьмите на память мою тельняшку и морскую фуражку».

...Мы молча рассматриваем снимки. И снова я слышу: «А помните?..» Он многих помнит, Иван Кравчук. Павших и живых. Вспомнил Тихона Федотовича Бойко, шофера, возившего по фронтовым дорогам Л. И. Брежнева. После войны Бойко вернулся в село, стал агрономом. Его как талантливого организатора избрали председателем колхоза «Победа» в Ровенской области. Опираясь на коммунистов, поднял свое хозяйство. И сейчас оно среди тех, на кого равнение держат. А председатель удостоен звания Героя Социалистического Труда. Встретились как-то друзья-однополчане.

— На правильном ты пути, Тихон,— похвалил его Кравчук.— Не посрамил малоземельцев. Крепко себя нашел в мирной жизни... Недаром, значит, с тобой, Тихон, мы проходили фронтовой университет у нашего комиссара.

— А в город не тянет? — хитровато прищурил глаза Тихон Бойко.— Я чул, Иван Павлович, что вас и в Москву приглашали?

— Было такое мнение,— улыбнулся Кравчук.— Да только мы с Марией Максимовной на семейном военном совете порешили пока воздержаться.

Воспитали Кравчуки трех сыновей. Константин пошел по стопам отца, летчик, подполковник, окончил Военно-политическую академию. Да и Анатолий продолжает отцовские традиции — в Луцке, на автозаводе, мастером представляет рабочую династию Кравчуков. Младший сын, Леонид, пошел на юридический факультет Одесского университета. Он увлекается криминалистикой, в шутку пишет родителям, что мечтает быть «всевидящим сыщиком». «Бросив якорь» в Ильичевске, работает там в городской милиции.

...Кравчук рассказывает о сыновьях, о делах семейных, о заботах родной его Володарки, а затем снова возвращается к тем дням, которые навсегда оставили след в его жизни. И снова я слышу знакомое:

— А помните...

Володарка — Москва.

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Геннадий ГИТМАН

Кусочек страны,
Необъятной, родной...
Зовется земля эта
Малой землей.

У самого города
Новороссийска
Она начинается
Обелисками.

Деревья
На Малой земле
Не растут,
И птицы
На Малой земле
Не поют.

Здесь белыми чайками
Кружится, кружится
Навеки застывшая
Музыка мужества.

А годы, как реки,
Текут и текут...
Но только на Малой
Цветы не цветут.

В февральскую ночь
Сорок третьего года
Десант моряков
Черноморского флота

На с ходу захваченном
Берегу
Вцепился в железную глотку
Врагу.

И началась,
От огня багровея,
Долгая
Малой земли эпопея...

Дни и ночи,
Если считать,
Их было
225.

Ни дня, ни ночи
Не отнять,—
Их было
225.

На Малой земле
Эти дни и ночи
Война разрывала
В кровавые клочья,

И в этой свинцово-шальной
Круговерти
Бойцы в полный рост уходили
В бессмертие.

Новороссийск.

Н. ХРАБРОВА,

фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

МЕЖДУ МОРЕМ И ЛЕСОМ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРОМКЕ ПРИБОЯ

ЖЕМЧУЖИНА В ОПРАВЕ

Рижский аэропорт напоминал душевую: сверху с большим напором хлестал теплый дождь, снизу вода доходила до щиколоток. Самолеты, однако, летали исправно, и два потока пассажиров, разбрызгивая воду, неслись друг другу навстречу.

— Какой ужас!— восклицали бегущие от самолетов в аэровокзал.

— Все будет прекрасно! — кричали те, что спешили к самолетам.— Через полчаса будет солнечно и жарко!

Этот поток загорелых, накупавшихся людей был словно с другой планеты: с планеты отдыха по имени Юрмала.

В моем блокноте записаны полученные в трех прибалтийских советах по управлению курортами несколько округленные цифры — сколько людей за год может отдохнуть на кромке балтийского прибоя: в Эстонии — 17 000 человек, в Литве — 110 000, а в Латвии — 170 000.

Это только по профсоюзным путевкам, ибо расплывчатое племя «дикарей» никакому учету подвергнуто быть не может. Ориентируясь на эти цифры, я сделала вывод, что Прибалтика как место отдыха должна быть исследована в Латвии. И прежде всего в Юрмале. Этот огромный, длиной в 32 километра и шириной от 50 до 100 метров пляж одним только своим климатом и воздухом, выражаясь языком медиков, способствует «торможению в коре головного мозга», или, попросту говоря, успокаивает наши расходившиеся за трудовой год нервы. Профессор К. Рудзин объясняет: чередование синих, зеленых, серых с белыми барашками волн создает зрительное успокоение; шум волн и сосен, ритмичный и равномерный, успокаивает слух; ветер гладит и успокаивает кожу. Кроме того, в Юрмале хорошо поставлены все виды санаторного лечения — минеральные воды, разные ванны, торфяные и сапропелевые грязи, физиотерапия.

Оснастившись, поелику возможно, вливаюсь в поток людей, идущих зеленой душистой улицей к морю. Кончается асфальт, начинается песок. Высокой лесистой грядой он отделяет город от волн. Выходы к морю от асфальта до пляжа покрыты деревянными мостками, и я в мыслях говорю «спасибо» тому, кто это придумал — в жару не очень-то хочется карабкаться по осыпающейся дюне.

Подымаюсь на вершину гряды... Ух ты! Полоса пляжа лежит между лесом и морем, как сказочная золотистая ткань, вся в узорах невиданной красоты. Приглядевшись, начинаю различать пестрые круглые кабины для переодевания; цветные щиты от ветра и зонты от солнца; скамейки, надувные матрасы, подушки, лодки, резиновые дельфины, на чьих спинах в теплой прибрежной воде «дрейфует» детвора, огромные мячи, спортивные кольца... Вход в кабину для переодевания спиральный, в ней скрываешься, как улитка в раковине. Смотрю на все это и мысленно произношу второе «спасибо». И тут же вспоминаю, что несколько лет назад здесь один за другим пронеслись два сильных урагана, все было разрушено и смыто, даже песок пляжа море уволокло к себе. Когда ураган стих, песок был водворен на место бульдозерами, и пляж оборудован теперь намного лучше, чем раньше.

В Юрмале сейчас больше сорока санаториев и домов отдыха, 53 библиотеки, 60 кинотеатров и киноустановок. Вся Юрмала — это сплошные парки и сады. Здесь есть курортные поликлиники, где врачи разных специальностей лечат тех, кто приехал без путевок.

Однако морем и воздухом сыт не будешь. Как же решена в Юрмале проблема торговли и общественного питания? Я знаю, что здесь работает 300 продуктовых и промтоварных магазинов, 30 кафе и ресторанов и много столовых и что Юрмала тем самым избегает бедствий перенаселенных курортов — очередей в магазинах и ожидания мест в столовых. Кафе «Под соснами», «Лиго», «Вигвам», «Семь сестер», «Под лодками», «Гранат», «Иома» и мощные рестораны «Лидо» и «Юрас перле» отнюдь не пустуют. Но нет и очередей. И это благо, ибо что может быть нелепее, если человек, приехавший из Риги на выходной или вовсе издалека, несколько часов отдыхает на песке между морем и лесом, а потом тут же теряет обретенное спокойствие в длительном стоянии в очереди?

В поисках ответа на вопрос «Почему в Юрмале хорошо отдыхать?» обращаюсь к секретарю Юрмальского горкома партии Олегу Александровичу Рудневу. Спрашиваю:

— Как это вам удалось так быстро и славно все восстановить после урагана?

— А нам еще один «ураган» помог,— отвечает Олег Александрович,— горькая и справедливая статья в «Правде» под названием «Жемчужина без оправы». Критика была действенной. Дело в том, что нам в наследство от буржуазной власти достались деревянные курортные поселки без канализации, водопровода, электричества. Видимо, в те времена курорт естественно воспринимался как деревянная дачка, лес и песок у моря. Сейчас у советского человека иные требования к курорту. В самом деле, какой смысл выезжать из квартиры, да еще если она в новом районе, где и воздух чистый, в какие-то деревянные домишки без удобств, где к тому же почему-то в самый жаркий день все равно сыро и холодно? Прибалтийская жемчужина действительно долго оставалась без оправы. Зато теперь оправа эта улучшается буквально с каждым днем. В Юрмале появились асфальт и электричество, водопровод и газ. Построено много комфортабельных зданий — новые дома творчества, санатории, рестораны, пансионаты, жилые дома, кинотеатры, один из лучших в Прибалтике концертный зал в Дзинтари на две тысячи пятьсот мест. Заканчивается строительство большой высотной гостиницы.

— У вас так много магазинов и кафе. Вероятно, и доход немалый?

— Товарооборот Юрмалы за год составляет восемьдесят миллионов рублей,— отвечает Олег Александрович и хмуро добавляет:— А мог быть намного больше. В обычном городе товарооборот складывается так: шестьдесят процентов дохода поступает от промтоварных магазинов, сорок — от продуктовых. А у нас наоборот. Само собой разумеется, что туфли или хорошее пальто дадут больше дохода, чем бутерброды и чашка кофе. А у нас считается — раз Рига под боком, то за покупками можно съездить и туда. Но зачем отдыхающему человеку мотаться по столичным магазинам, когда выгоднее и удобнее обеспечить наши магазины более широким ассортиментом товаров? То, что человек делает во время отпуска покупки, вполне естественно. И тут можно делать покупки не спеша. Спорим по этому поводу, добиваемся верных решений...

Зато,— продолжает секретарь горкома,— неплохо поставлено бытовое обслуживание. В

«Максла» — рижский художественный олимп: янтарь, витражи и таланты.

На развороте вкладки:

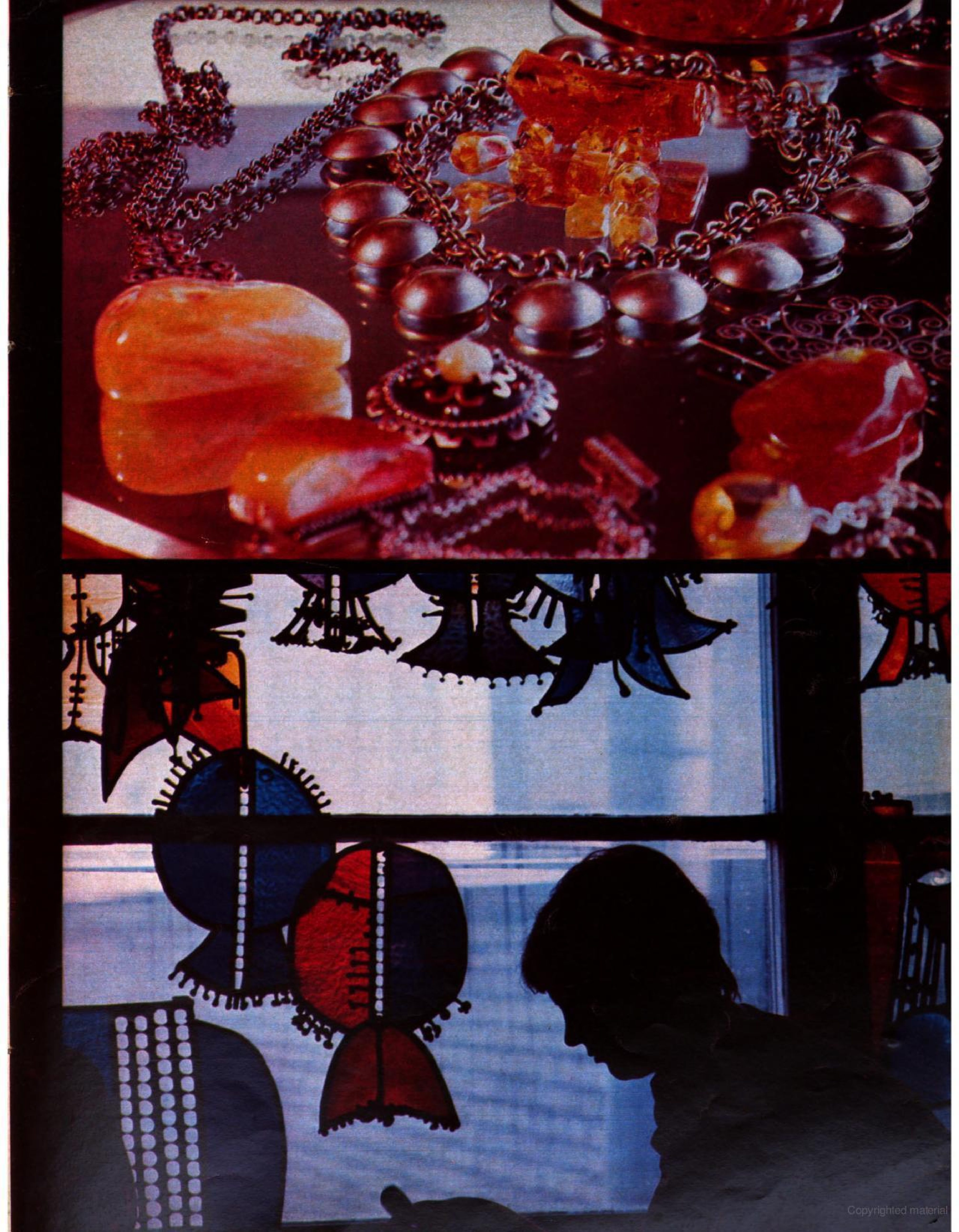
Институт электроники и вычислительной техники Академии наук Латвийской ССР. В гостях у директора института Э. А. Якубайтиса (справа) и заведующего лабораторией В. Пелиненко болгарский ученый Г. Георгиев.

Люди, розы и камни Риги.

Скоро эти строители сдадут рижским артистам и зрителям новое здание Государственного академического художественного театра имени Я. Райниса.

Рига. Солнечный день.

Двое в парке.

Юрмале можно заказать верхнюю одежду, обувь по мерке, трикотажные вещи, украшения. Словом, действуют все виды латвийского сервиса. И Юрмала тут занимает явное первенство в республике: у нас в год каждый человек получает в среднем бытовых услуг на 52 рубля, а по Латвии в среднем — на 27 рублей.

— Сколько человек из коренного населения Юрмалы занято в основном вашем производстве — индустрии отдыха?

— Приблизительно пятнадцать тысяч человек. Но в месяцы «пик» они, конечно, не справились бы. Нас очень выручают летом студенческие отряды. Уже не впервые Москва откомандировывает к нам интернациональный студенческий отряд — триста человек. В распоряжение студентов Донецкого техникума общественного питания мы традиционно отдаем на лето ресторан «Юра». Студенты угощают гостей вкусными блюдами южной кухни, заботятся о чистоте, украшают залы и интерьеры, работают весело и дружелюбно. Не отстают от них ташкентские, харьковские, минские студенты и, конечно, ребята из наших латвийских городов. И отдыхающие довольны и студенты.

Об отдыхе Олег Александрович говорит увлеченно, на многое у него своя точка зрения, и он готов спорить, отстаивая ее.

— Нам кажется, что отпуск — это тишина. Верно? А молодежь считает, что это музыка и танцы. И это тоже верно. Одни думают, что отпуск — это безудержная трата денег, заработанных за год, другие считают, что рациональная экономия хороша как дома, так и на курорте. Наша забота — сделать так, чтобы отпуск был всем по вкусу и по карману. Для одних отпуск — это лежание на пляже, для других — экскурсии, смена впечатлений, театр, концерты, чтение, узнавание. Поэтому мелочей здесь быть не может, все надо предусмотреть. Мы вот и пляж разделили на участки — на одних можно слушать музыку и играть в футбол, на других царит тишина и покой. Пляж-то огромный. И еще знаете, я к какому выводу пришел: отпуск должен воспитывать человека уважением и вниманием к нему...

Мне остается только сказать третье «спасибо» — большое спасибо от имени всех приезжающих в Юрмалу.

ПОЖАЛУЙСТА, ДРУЖИТЕ, ГОРОДА!

Наблюдательные туристы говорят иногда, что Рига похожа на Ленинград. Конечно, чем-то похожа: ведь генеральный план основного массива Риги, ее торговых центральных улиц и промышленных кварталов был утвержден в 1861 году в Петербурге, и оба города в то время развивались и строились одинаково бурно.

Теперь Рига входит в нашу жизнь, особенно здесь, на северо-западе, ежедневно: ибо кто не слушает каждый день радио, пользуясь приемниками «ВЭФ»? Кто не ездит в рижских электропоездах? Кто не носит свитеров, изготовленных неподалеку от Риги, в Огре, где работают молодые прилежные девушки. Рижские ткани, рижские конфеты, рижская парфюмерия, изделия рижского художественного комбината «Максла», рижские моды, рижские обои, рижские микроавтобусы известны от Балтики до Тихого океана. И от Балтики до Тихого океана шлют в Ригу города советских республик свои богатства. Шлют хлеб и металл, нефть и хлопок, суда и тонкорунную шерсть. Много раз подтверждала история — Риге расти, крепнуть, развиваться до тех пор, пока по-братски дружат с нею эти города.

За примерами далеко обращаться не будем. Вспомним период латвийской буржуазной диктатуры. На 40 процентов сократилось тогда количество рабочих в промышленном производстве по сравнению с уровнем 1913 года. С 1930 года по 1940 год с молотка было продано 42 тысячи 833 крестьянских хозяйства.

А теперь уровень промышленного производства в республике в 32 раза превосходит 1940 год. Что стоит за этой цифрой? Дружба со всеми братскими народами нашей страны. Эшелоны идут с Востока на Запад. Металл Урала и Сибири, хлопок Закавказья и Средней Азии, тюменская и башкирская нефть, турбины Ленинграда, полиграфические машины, приборы...

В конце прошлого века из петербургских и московских академий вышли крупные латвийские просветители: скульпторы, художники, поэты, композиторы. И после Великой Отечественной войны у колыбели возрождающегося латвийского искусства стояли МХАТ, Ленинградская и Московская консерватории, лучшие дирижеры Москвы, Ленинграда и Новосибирска.

Теперь торговый путь Латвии ведет на Восток и на Запад, внутрь страны и за ее рубежи. Теперь латышские артисты представляют социалистическое искусство за морями и океанами. Как и четверть века назад, дирижеры Мравинский и Кондрашин — постоянные гости Латвии, а композитор Кабалевский по традиции каждый год приезжает в республику в День Победы и дирижирует латвийским симфоническим оркестром, исполняющим его «Реквием». Кибернетик Э. А. Якубайтис, ученый с мировым именем, рецензирует диссертации ученых в Новосибирском академгородке, консультирует ученых социалистических стран.

Об этой нашей социалистической дружбе можно многое еще рассказать. Главное же заключается в том, что здесь, в Латвии, как и во всей нашей стране, ощущаешь великую силу пролетарского интернационализма.

НАУКА «КРИМУЛДЫ»

Улетает на легких зеленых крыльях лето, останутся в памяти запахи медуницы, донника, клевера обочь латвийских дорог. Останутся в памяти кудрявые холмы Сигулды, золотые от летнего полдня речки, петляющие в глубине голубых долин. Не зря называют этот уголок Латвии Ливонской Швейцарией, не напрасно эти места объявлены государственным заповедником. Здесь много притягательного и даже таинственного, предания далеких лет бродят тут, как тени прошлого, в глубине ущелий и пещер. Когда-то было тут городище древнего племени ливов — ливы называли его на своем языке «Торейдас»: сад богов. На современный лад — Турайда. Много войн прогремело над садом ливских богов, время оставило лишь сказания, например, о «Турайдской Розе» — ливской Джульетте, о пещере Гутмана, где из-под карста выбивается родничок с холодной водой. Когда-то эту воду считали святой, и человека, жившего рядом, так и называли «гут манн» — хороший человек, потому что он не жалел святой воды для прохожих, чем выгодно отличался от нынешних сотрудниц Турайдского краеведческого музея, которые никому ничего не хотят сообщать, кроме сведений из путеводителя...

Зато наша любознательность была с избытком восполнена в «Кримулде», работники которой все силы прилагают к тому, чтобы опыт их и знания распространились как можно шире.

«Кримулда» — научно-опытное хозяйство Латвийского научно-исследовательского института животноводства и ветеринарии. Роберт Симансонс, заместитель директора, молодой человек, ученый, специалист по зоотехнике, дружелюбен и явно заинтересован во встрече с нами. Он ведет нас на поля и пастбища, где лоснятся густые травы.

Мир трав... Это ему обязана «Кримулда» тем, что ее стадо латвийской бурой породы в прошлом году дало в среднем по 5 222 килограмма молока от каждой коровы.

Известно, что коровы сколько существуют на земле, столько и жуют траву. Жевать-то жуют, но не все дают такие удои, как в «Кримулде». В 1971 году кримулдская буренка Берне попала на ВДНХ за то, что дала в год 7 368 килограммов молока. А в прошлом году ее здорово обошла такая же бурая Люпина, выдав 8 096 килограммов молока при жирности 4,48 процента.

— Концентратов для нее, небось, не жалели? — спрашиваю я.

— Нет, не концентратов,— отвечает Симансонс.— Трав не жалели. Травы полезнее и для молока и для животных.

Я, выросшая в деревне, знаю это с детства. Но я знаю, оказывается, вовсе не то, что надо знать и что знают в «Кримулде». Например, я знаю, что на северо-западе пастбищный сезон продолжается максимум 150 дней, что раньше 15 мая травы еще и не вылезают из-под прошлогоднего слоя.

— Вылезают,— возражает Симансонс.— Мы продлили пастбищный сезон до ста шестидесяти восьми дней: наши коровы пасутся на пастбищах с первого мая по пятнадцатое октября и пасутся круглосуточно, днем и ночью. Только дважды в день для дойки их загоняют в помещение.

Красно-бурые великанши разгуливают в зеленом море трав и к нашему проникновению в самую гущу стада относятся спокойно, я бы даже сказала, приветливо.

— Может, у вас тут выше и, следовательно, теплее? — пытаюсь я разрешить кримулдские загадки чисто природными факторами.

— Да нет, климат у нас, как и во всей Латвии. Почвы дерново-подзолистые и торфянистые, не бог весть что,— поясняет Симансонс.— Но наши ученые разработали особую систему травостоя и систему кормления.

Постепенно я начинаю проникать в простую и мудрую суть кримулдской системы. В основе ее лежат глубокие знания и громадный труд, за что коллектив «Кримулды» и награжден орденом Трудового Красного Знамени. Все кислые почвы здесь произвесткованы, все низкие места осушены закрытым дренажем, каждый клочок земли превращен в высокопродуктивные луга.

— Только так, высокопродуктивные, со строгой и постоянной системой ухода и удобрения,— разъясняет Симансонс.— Запущенные же травы приносят хозяйству убыток.

Симансонс специально предупреждает меня, чтобы я ни в коем случае не путала их животноводческий уклон с полеводством. В полеводстве неумеренное выращивание трав вместо хлеба — грех. А в животноводстве травы — великое благо, они хлеб для людей сберегают.

— Вот вы сказали, что к первому мая травы еще и не вылезут из-под прошлогоднего слоя. А этого прошлогоднего слоя вовсе и быть не должно! Поздней осенью мы скашиваем каждый сухой пучок несъеденных трав, заранее подготавливаем травам их быстрое весеннее возрождение,— рассказывал ученый, показывая пастбища.

Теперь и я вспоминаю, что есть такие травы, которые начинают свою весеннюю жизнь еще под снегом. К ним принадлежит луговая трава — ежа сборная. Ее сеют здесь для того, чтобы иметь возможность начать пастбищный сезон на две недели раньше, чем когда-то принято было в этих местах. Она дает много белков, но недостает в ней сахара, клетчатки, магния, кальция. Поэтому нужен пока дополнительный корм с добавлением мела и магнезии. С 15 мая наступает пора белого клевера и луговой овсяницы. И вообще с 15 мая по 15 сентября все окультуренные травы настолько хороши, настолько питательны, что дополнительные корма в это время экономически невыгодны, они даже отрицательно влияют на качество молока. С 15 сентября трав становится меньше и опять надо добавлять дополнительные корма. А с 16 октября скот отправляют в стойло. И всю зиму бурым кримулдским коровам дают в основном сено, дополняя его сенажем, силосом, концентратами.

— И заметьте,— уточняет Симансонс,— процент концентратов в рационе не должен превышать тридцати, иначе молока будет меньше и вкус его ухудшится.

Этот опыт «Кримулды» многому учит. Концентраты хозяйства получают из государственных закромов, и считается, что чем больше их «урвешь», тем вроде бы богаче станешь. Оказывается, не всегда изобилие идет на пользу.

— Культура трав, как и всякая другая культура, требует умения работать и анализировать,— заключает Роберт Симансонс.— И наука наша, как и любая другая, только тогда окажется настоящей наукой, когда выйдет из лабораторий или опытных полей на широкие просторы. Нашими успехами интересуются многие специалисты. К нам ежедневно приезжают за опытом и из союзных республик и из-за рубежа. Секретов у нас нет. Для того и работаем, чтобы привить нашу систему в интенсивном животноводстве. Пишем статьи в специальные журналы. Вот теперь и ваш журнал поможет...

Когда человек стремится отдать людям свои знания, значит, он умен и щедр душой.

...А дорога зовет дальше. Если ехать отсюда на север, все так же вдоль кромки прибоя, то рукой подать до Эстонии.

— Люди мира, помните! — взывает мемориал Саласпилса.

Внизу: сегодня в Риге.

К 600-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ

ДУХОМ НЕПОКОРНЫЙ

**Расул РЗА,
народный поэт
Азербайджана**

Легенда рассказывает: в один из зимних дней, когда солнце багровым светом озаряло вершины снежных гор Малого Кавказа и пестрые кварталы города с узкими, витиеватыми улицами медленно погружались в вечерние сумерки, в Шемахе, столице Ширвана, в небогатом доме родился мальчик. Он не плакал — смотрел раскрытыми глазами, и две крупные слезинки текли по его щекам. Мудрые старики пророчили ему жизнь, полную тайн, тревог, страданий и известности.

Увы, пророчество стариков оправдалось только по части тревог, тайн и страданий. Для Насими (ибо этот мальчик и был Имадеддин Насими, впоследствии знаменитый поэт и мыслитель) не взошло светлое солнце, озарившее предсказанное утро...

Он сам стал таким солнцем на горизонте средневекового Ближнего Востока. И уподобился, как утверждал поэт, во время своей страшной казни «солнцу великой любви, которое, когда склоняется перед заходом, бледнеет».

Детство и юность этого мальчика прошли в Ширване,— в Баку и Шемахе,— давших миру целый ряд корифеев поэзии, знаменитых мыслителей, музыкантов, путешественников, полководцев, мастеров-чеканщиков по золоту и меди. Ширван был колыбелью его мечтаний, надежд в годы юности.

Чрезвычайно скудные сведения о жизни, биографии поэта пестрят легендами, притчами, похожими на правду и в то же время не имеющими пока документально-исторического подтверждения.

Самым достоверным источником о жизни, борьбе и страданиях поэта, о мечтах, взгляде на мир служит его творчество — поэтическое свидетельство, собранное в большом диване на азербайджанском языке, а также в сборнике стихов на языке фарси.

Как свидетельствует сам поэт, его наставником и учителем был знаменитый азербайджанский философ-проповедник Фазлуллах Наими, основатель хуруфитской секты. Под его влиянием молодой Насими избрал путь гневного протеста против существующих общественных порядков, примкнул к движению хуруфитов, стал вскоре одним из влиятельных его вождей.

Поэзия Насими — одно из изумительных явлений на арене идеологической борьбы средневекового Востока — была насквозь пронизана активным гуманизмом, пантеистическими воззрениями на познание мира и устами поэта провозгласила творцом всего сущего человека. Поэт бросил смелый вызов служителям ортодоксального ислама: «Я — человек. Я — истина. Я — бог».

Насими, как истинно великий поэт и мыслитель, был сыном своей эпохи. В его творчестве отразилась сложная, полная противоречий атмосфера средневекового феодального Востока.

Сомнения, душевное беспокойство, мучительные поиски выхода из оков удушливой действительности были уделом поэта всю жизнь. Перед Насими, перед философом и поэтом, вставало множество вопросов, порождаемых социальной средой.

Он был свидетелем нашествия орд грозного Тимура, который, предавая огню и разорению города и села, смял войска многих ближне- и средневосточных правителей, на время обосновался на юге Азербайджана.

Шли тревожные вести о наступлении с севера полчищ хана Тохтамыша.

Ширваншах Ибрагим — правитель Ширвана тех дней, лавируя между этими двумя смертельными опасностями, старался по возможности уберечь страну от гибели.

В самом Ширване, где прошли многие годы поэта, народ изнывал под гнетом феодальных правителей и духовенства, был порабощен суровыми законами исламской религии.

Насими слышал ежедневные проповеди духовенства о тленности этого мира, о том, что созданный единым богом человек только на том свете обретает покой и блаженство.

Он видел и то, что проповедующие эту покорность, безропотное повиновение, терпение сами ведут праздную жизнь, не упускают ни малейшей возможности наслаждаться благами этого «бренного мира».

И он восклицал:

Этот мир недостоин задержки, о душа!
Отправляйся в путь,
не верь его лжи, презирай его!

В жизни поэта было много огорчений, тяжких дней. Его беспокойная душа металась в сомнениях, в поисках на сложном пути жажды познать мир и самого себя.

Когда ко всем его страданиям прибавилась еще одна невозместимая утрата — гибель его учителя Наими, поэт плакал, вспоминая любимого наставника.

Насими глубоко переживал смерть Наими, казненного сыном Тимура Мираншахом, который, обосновавшись в древнем городе Нахичевани, творил свои кровавые злодеяния.

Можно предположить, что трагическая судьба Наими еще больше раздула пламя ненависти в сердце Насими и усилила его активную деятельность.

Он избрал себе путь пропагандиста хуруфизма не только как философского течения, но и как практического орудия борьбы против душителей всякого свободомыслия, против раболепства, ханжества, духовного порабощения.

Нет ничего удивительного в том, что протест Насими против исламской ортодоксии, социальной несправедливости носил ограниченный характер без ясной позитивной программы. Ибо он был сыном своей ограниченной эпохи.

Проповедуя пантеистические взгляды на мир, Насими главное свое внимание сосредоточивал на человеке. Человек — творец всего сущего. От его имени поэт говорил:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир
я не вмещусь.
Я — суть, я не имею места, и в бытие я
не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет,— все
воплощается во мне.
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья
не вмещусь.
Вселенная — мой предвозвестник, мое
начало — жизнь твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки
не вмещусь.
(Перевод К. Симонова.)

Эти мотивы всеобъемлющей человеческой сущности в той или иной форме можно проследить во всем творчестве поэта.

Насими, проповедуя свой хуруфизм, ходил по многим городам Среднего и Ближнего Востока. Его дерзкое, не допускающее компромисса учение, бунтарский дух, смелые выпады против принципов ортодоксального ислама обладали огромной притягательной силой, будили умы людей, являясь примером того, что пытливый человеческий ум способен разрушить оковы веками существовавшего закабаления человеческой личности, открыть путь к победе разума над слепой верой.

Огромная популярность учения хуруфизма и все растущий авторитет его вождя и неутомимого пропагандиста Насими не на шутку встревожили правителей и высшее духовенство. Султан отдал фирман о казни Насими как еретика, врага исламской религии. В этом же фирмане указывалось как одна из причин, побудивших султана предпринять этот шаг, то, что популярность хуруфитского шейха Насими с каждым днем растет, приумножается число его приверженцев, что создает большую угрозу для ислама.

И в 820 году хиджри, как свидетельствуют арабские ученые, в городе Алеппо Насими был казнен. Ему отсекли голову, содрали с него кожу и тело повесили на видном месте города — в назидание другим отступникам от «истинной веры».

Насими до последнего дня своей жизни остался непоколебимым, проявляя стойкость духа.

Можно с уверенностью сказать, что Насими свою знаменитую газель с редифом «не чувствует боли», где в лицо своих мучителей бросал гневные слова, клеймящие жестоких палачей,— эту газель он написал в ожидании казни, находясь в заточении. Знаменит бейт из этой газели, где поэт восклицает:

Погрози захиду, что ему отрежут один
палец,— он отречется от истины.
А с этого истинно влюбленного в истину
сдирают кожу,— он не чувствует боли.

В некоторых стихотворениях Насими называет себя дервишем.

Он дервиш, ибо он довольствовался самым малым, отвергая алчную ненасытность, пышные одеяния аммаме (белая повязка на голове). Он воспевал душевную красоту, богатство внутреннего мира.

«Быть, как морской моллюск,— говорил он,— который содержит в себе жемчуг».

Как явствует из его многочисленных бейтов, его одеяние резко отличалось от одеяния и головных уборов тогдашней знати и духовных лиц. Он носил белый войлочный кулах — шапку и кепенек — белую безрукавку до колен.

Эти детали важны для характеристики поэта как цельной личности, у которой каждый жи-

тейский поступок был строг, в унисон с его философским учением, с его принципами миропознания. Даже по своему внешнему облику поэт не хотел походить на людей, против которых он восставал в своей философии, поэзии и повседневной жизни.

Насими обладал пытливым умом. Он хотел:

...узнать, что за циркуль, рисующий
небесный круг.
Что такое небесный свод и круговорот...
Огонь и вода, земля и ветер что
представляют из себя...

и приходил к выводу: всему начало и конец — человек, в котором воплощена истина — бог. Он утверждал:

Я — творец, я — спасение, я — жизнь, я —
смерть.
Я — могила, я — мучение, я — вопрос, я —
ответ.

И еще:

Хоть, может, мой невнятен слог, я говорю:
«Дойти до истины я смог»,— я говорю.
«Что я постиг, то я изрек»,— я говорю.
«Что бог во мне и сам я бог»,— я говорю.

(Перевод Н. Гребнева.)

Было бы ошибочным из этих и множества подобных утверждений вынести заключение, что Насими был безбожником, атеистом. Нет, он не был атеистом. Он, подобно предшественникам Наими, Халладжу, выдвигал свою версию понимания бога, принципов познания мира. Скорее Насими был своего рода реформатором.

Обращаясь к современникам, Насими призывал:

Держащий в тайне мир аллах суров.
А ты узнать попробуй, мир каков.
Ты мир познай, постигни человека,
Чтоб чем-то отличаться от скотов.

(Перевод Н. Гребнева.)

Этот дерзкий выпад против безропотного повиновения исламу, притупляющему пытливость ума, звучал, как весенний гром, в удушливом мире средневековья.

Во многих лирических стихотворениях Насими, где в ярких образах воспевается его возлюбленная, выражена любовь к истине — богу в понимании поэта-хуруфита, выражена жажда единения с этой истиной.

Насими владел в совершенстве и языком фарси и арабским; но подавляющее большинство стихотворений он написал на родном азербайджанском.

Он по праву является поэтом, который первым в истории более пяти столетий тому назад создал большой диван на азербайджанском языке — образец высокой поэзии и философской мысли.

Велико значение творчества Насими не только в истории азербайджанской поэзии, но и в истории литератур иных тюркоязычных народов. В письменной и устной литературе турецкого, туркменского, узбекского и других народов можно встретить немало упоминаний о трагической судьбе Насими, немало образцов подражания ему и ощутимого влияния поэзии Насими на творчество выдающихся представителей литературы этих народов.

Особое значение творчество Насими имеет для дальнейшего развития азербайджанской поэзии. Литературные традиции Насима нашли свое продолжение и развитие в творчестве таких корифеев поэзии, как Шах Исмаил Хатаи, Мухаммед Физули и другие.

Его мужество, непоколебимость, идейная стойкость поражают нас и ныне, спустя более чем пять столетий.

Сегодня мы, советские люди, вместе со всем прогрессивным миром празднуя 600-летие со дня рождения великого сына Азербайджана — поэта-новатора, мыслителя, смело выступившего против духовного рабства, ханжества, слепой веры, против унижения человеческого достоинства, во имя победы разума, во имя прославления и возвышения человека, мы празднуем торжество светлого ума, непокорности духа, высокой, мудрой поэзии, которая, пройдя через века, принесла нам прекрасный образец духовной красоты, высокого гуманизма, теплоту пламенного сердца.

Юбилей Насими есть праздник многовековой поэзии азербайджанского народа, когда со всеми братскими народами нашей страны, со всеми прогрессивными людьми мира мы открываем одну из блестящих страниц мировой культуры.

Имадеддин **НАСИМИ**

«...ТЫ МУДРЕЦАМ ВНЕМЛИ...»

Портрет работы народного художника СССР М. АБДУЛЛАЕВА.

ЯВИСЬ!

Зачем ты прячешься, услада? — Явись!
Ты жаждешь слез моих? Не надо! — Явись!

Ты в иглах колешься. Ты как шиповник.
Бьешь стрелами ресниц в ночах моих
любовных.
Льешь кровь мою, но тщетно!— Явись!
Ты отказала мне в единственном свиданье,
Красноречивая, ты безответна — явись!
Я душу отдаю и яркость мирозданья,
Все отдаю за взгляд приветный — явись!

Не сбросишь ты чадры для взглядов
посторонних,
Все тайное свое от всех схоронишь — явись!
Ты поджигаешь все, что людям недоступно,
Ты — мой пожар, мой стыд, мой ад
преступный — явись!

Нет, я в любви не лгу, а ты не откровенна,
Ты, как змея, скользишь самозабвенно —
явись!
Душа в развалинах и сгинула мгновенно.
Ты поселилась там, жилица,— явись!

Все видит Насими и втайне веселится:
Ты не загадочная небылица! — Явись!

ЛИЛИЯ ДРЕМЛЮЩИХ ВОД

О краса моя — роза, о лилия дремлющих
вод,
Ты мне — сладость и хмель, и сладчайший
нектар мой и мед!

О возлюбленный друг мой, кумир мой,
целитель и врач,
О мой друг милосердный, чье сердце весь
пыл мой влечет.

О весна, о восторг мой, о радость и благость
моя,
О избранница сердца, ты — слава моя и почет.

О цветок гюлистана, серебряный мой кипарис,
О светило ночное, о ангел предвечных высот!

О мой мир и покой мой, нетленный мой дух
и мечта,
О звезда моя — счастье, чьим светом горит
небосвод.

Ты — мой шах благосклонный, блаженство
и диво мое,
Ты — луна мне и солнце, и благостен мне твой
восход.

Отняла мой рассудок, разграбила сердце
любовь,
Обнадежь добрым словом, ведь твой Насими
его ждет.

КОРАЛЛ ТВОИХ УСТ—КАК МЕД

Коралл твоих уст — как мед, как мед, твоих уст
коралл,
Он стал слаще жизни мне, он мне слаще
жизни стал!

Сиянье луны — твой лик, твой лик —
сиянье луны,
Пунцово ал пламень щек, их пламень пунцово
ал.

А кто тебя не видал, а кто не видал тебя,
Страдал в разлуке с тобой, в разлуке с тобой
страдал.

А кто твою речь слыхал, а кто слыхал твою
речь,
Похвал ей много вознес, вознес ей много
похвал.

Внемли ж словам Насими, словам Насими
внемли:
Сказал он стих лучше всех, он стих лучше
всех сказал.

Перевел С. ИВАНОВ.

РУБАИ

Невежественный человек, беспечный,
проснись.
Не доверяйся жизни быстротечной, проснись.
Путь этой жизни — путь небесконечный,
проснись.
И что-то обрети из правды вечной —
проснись.

*

О роза, ты росла в садах каких,
Вблизи каких потоков неземных?
В невечном мире мало вечных истин,
Ты, милая моя,— одна из них.

*

Мой врач, тяжка болезнь, тяжки мои
мытарства.
Я стал твоим рабом, в твоих руках лекарство.
О мудрый лекарь мой, вернет здоровье мне
Лишь доброта твоя, а не твое коварство.

*

Все тайны разгадал, в суть мира я проник,
Все буквы — тридцать две — вместил в себя
мой лик.
Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,
Я в мире всемогущ, всемилостив, велик.

*

Я — буквы книг святых, читающих услада,
Я вечен, для меня ни рая нет, ни ада.
Я — чаша и вино, и кравчий на пиру.
Я—и смертельный яд, и—средство против яда.

*

Ум человека — свет, сокровищ всех дороже,
Ты мудрецам внемли, чтоб стать мудрее тоже.
В зерцало мудрости каменьев не бросай,
Бесценное стекло, оно разбиться может.

Перевел Н. ГРЕБНЕВ.

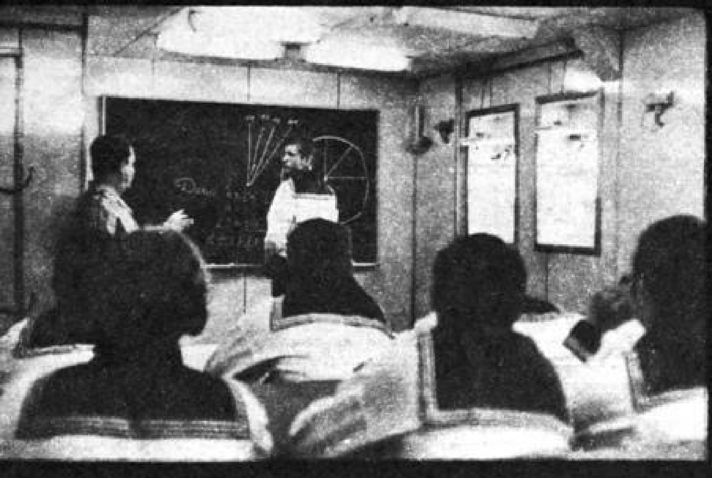
— Мы уходим в океан!

МАЛЬЧИШКИ СПЕШАТ В ОКЕАН

В. КУЗНЕЦОВ,

фото автора.

Штурманский класс «Профессора Ющенко».

— Берем пеленг.

Аврал.

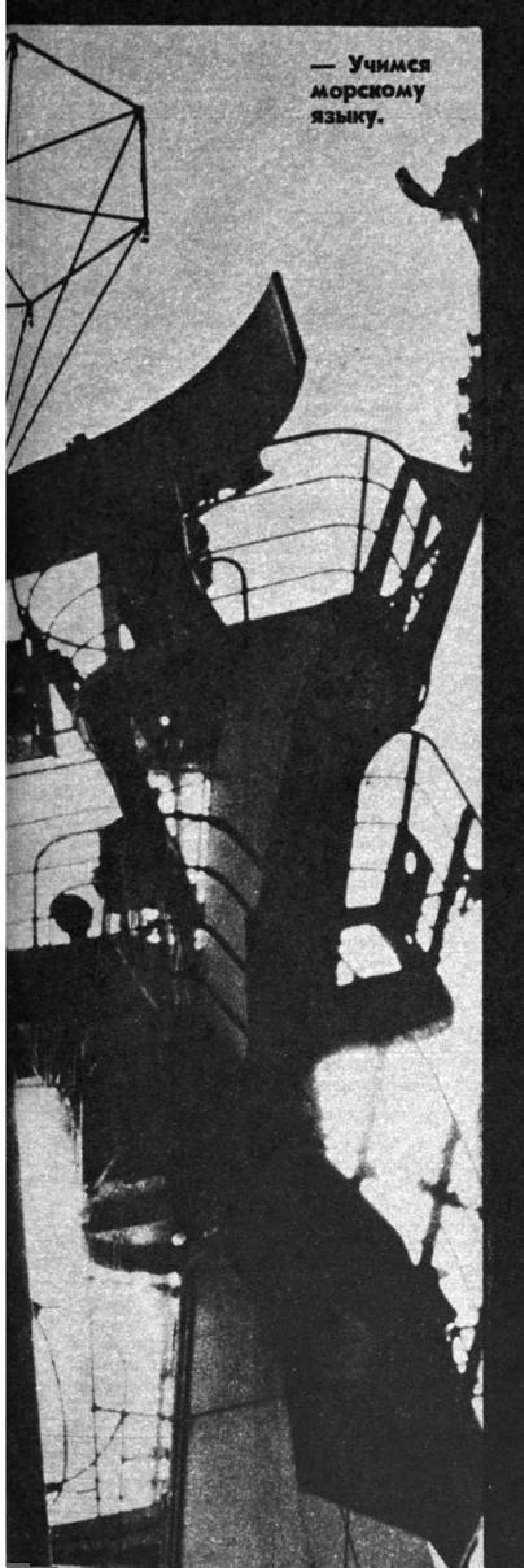

Первые лучи солнца, проводя утреннюю поверку, скользят по стрелам портовых кранов, по мачтам стоящих у причала судов, приветствуют пришедшие ночью, еще хранящие запах океана теплоходы. Они заглядывают в трюмы, подводя итог работы докеров. И, словно убедившись, что все в должном порядке, срывают с воды остатки тумана и, разбежавшись тысячами зайчиков по глади бухты Золотой Рог, дают сигнал побудки новому дню. Для многих обычному, рядовому. А вот для первокурсников, встречающих восход на борту учебно-производственного судна «Профессор Ющенко», день этот празднично-торжествен.

Еще вчера эти мальчишки только мечтали о море, видели во сне штормы и штили. Им снились белые полоски на синих воротничках, черные фуражки с золотыми якорями. Сегодня они сменили штатские рубашки на флотские форменки. Сегодня мальчишки спешат покинуть свой первый морской причал.

— В этот рейс мы уходим с первокурсниками Владивостокского и Сахалинского мореходных училищ, — рассказывает помощник капитана по учебной части Василий Васильевич Кабиков. — «Профессор Ющенко» — судно специальной постройки, плавающий вуз. На борту теплохода прекрасные лаборатории, оборудованные новейшими навигационными приборами, каких еще нет даже на судах трансфлота. Отличные бы-

— Учимся морскому языку.

товые условия: удобные курсантские кубрики, столовые, библиотека. За месяц практики ребята познакомятся с устройством судна, пройдут боцманскую школу, которая поможет будущим капитанам познать азы морской науки. Обучаясь в средних мореходных училищах, они проходят у нас практику дважды — на первом и четвертом курсах. А курсанты Дальневосточного высшего инженерного морского училища имени Г. И. Невельского — трижды. Вторая практика для всех — это заграничное плавание. В плавании на учебно-производственном судне мальчишки знакомятся с океанами. Романтики встречаются с суровой стихией и нелегкой будничной работой. Здесь впервые сухопутный человек начинает чувствовать себя настоящим моряком.

...Отдав швартовы, «Профессор Ющенко» медленно отходит от пирса. Темно-зеленая полоска воды, отделяющая теплоход от берега, увеличивается с каждой минутой. Пятнадцатилетний паренек Слава Вяткин стоит у самого борта и, прищурившись, жадно всматривается туда, где за мысом должно открыться настоящее море.

Пролетят годы. Курсант Вяткин станет штурманом, а потом капитаном. Море прочно войдет в его жизнь. Много раз он будет возвращаться к берегу и снова расставаться с ним. Много портов повидает моряк. Но никогда не забудет он и сто двадцать его однокашников свой первый порт, первый причал, первый отход.

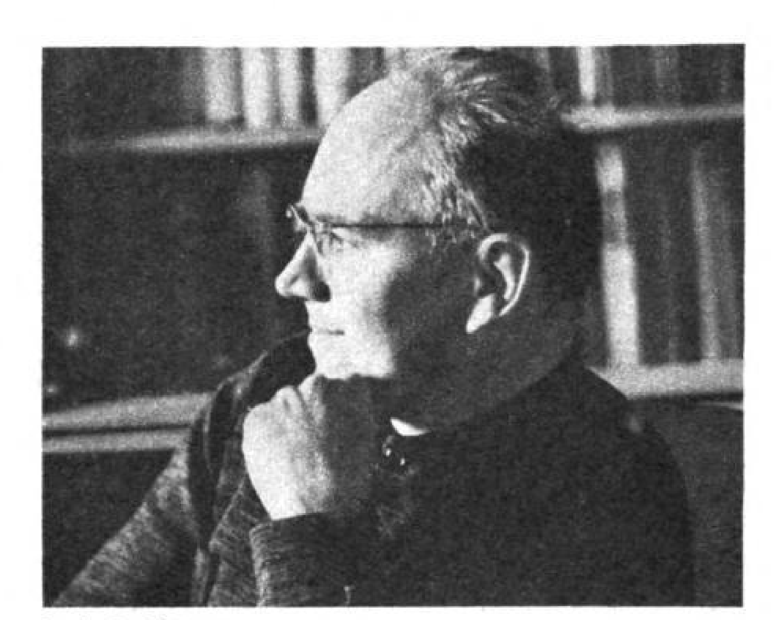
Курсант Слава Вяткин.

КЛУБ НЕРАЗГАДАННЫХ ТАЙН

ЭРА РОБОТ

В. В. Чавчанидзе

Э. А. Якубайтис

Отшумели споры о возможном и невозможном в кибернетике, об эре роботов, которая, мол, непременно наступит после эпохи людей. Молодая наука вступила в пору зрелости. Электронно-вычислительные машины пришли на заводы и стройки, они помогают водить космические корабли и экзаменовать студентов, предсказывать погоду и ставить медицинские диагнозы, стали двигателем научно-технической революции, современниками которой мы являемся.

Но значит ли это, что все проблемы в кибернетике уже решены, получены ответы на все вопросы!

Познание нового напоминает восхождение на высокую гору. С каждой вершины раскрываются новые горизонты. Но еще больше загадок и тайн встает перед тем, кто штурмует вершины науки...

Сегодня на страницы «Огонька» мы пригласили двух ведущих специалистов в кибернетике: члена-корреспондента АН Грузии В. В. Чавчанидзе и академика АН Латвии Э. А. Якубайтиса.

Трудно представить себе более непохожих людей, чем наши собеседники. Один живет в солнечной Грузии, в окружении гор и быстрых рек. Второй — в Латвии, на берегу янтарного Балтийского моря. И пути их в кибернетику были очень разными. Директор Института кибернетики Академии наук Грузинской ССР Владимир Валерианович Чавчанидзе пришел в свою отрасль знания из ядерной физики. Однако проблемы физики занимают в работах В. В. Чавчанидзе не первое место. Он ученый-универсал: занимается расшифровкой генетического кода и алгоритмами шахмат, моделями гидротехнического строительства, психоэвристикой, изучением мозга и созданием искусственного интеллекта. Увлекается фантастикой, не прочь привнести в сегодняшний день кое-что позаимствованное из будущего. Быстр, импульсивен, говорит резко, увлекаясь. Живет гармонией завтрашнего дня.

Его латвийский коллега, руководитель Института электроники и вычислительной техники АН Латвийской ССР Эдуард Александрович Якубайтис, пришел к кибернетике, казалось бы, более естественным путем. Его книги — ступени в новую отрасль знания: от автоматического регулирования генераторов он перешел к логическим автоматам, электронно-вычислительным машинам. Он создает умные машины для медиков, технологов, строителей.

Э. А. Якубайтис сдержан, деловит, при разговоре взвешивает каждое слово, словно пробуя его на вкус. Его волнует будущее, но он не принимает желаемое за уже существующее. Всегда готов «поверить алгеброй гармонию».

Итак, диалог, кое-где спор, а в итоге — горизонты молодой науки глазами двух ее впередсмотрящих.

НЕТ,

КОРРЕСПОНДЕНТ. Уже не первый год говорят об интеллектуальных машинах, которые переводят с одного языка на другой, расшифровывают письменности вымерших народов. Пишут об угрозе, которую могут представить для наших потомков умные электронные машины, предлагают уже сейчас принять против этого какие-то меры. Что вы думаете, действительно ли существует угроза со стороны мыслящих машин!

Э. А. ЯКУБАЙТИС. Извините, но сегодняшние машины мыслить еще не могут. Я подчеркиваю — сегодняшние машины. Правда, нельзя закрывать глаза на перспективы для их развития. Поскольку мы материалисты (а кто в этом сомневается?), мы должны согласиться, что мозг человека материален и поэтому может быть воссоздан с помощью моделирующих устройств. Таким образом, мыслящие машины в принципе возможны, и в будущем они, вероятно, будут созданы. Мне бы только не хотелось переносить проблемы грядущего в сегодняшний день и говорить о них как о чем-то уже решенном.

Однако я не думаю, что «интересы» даже самых совершенных машин в будущем столкнутся с интересами людей. Существует теория конечных автоматов, позволяющая создавать надежные системы. Благодаря ей, например, энергетические системы, охватывающие полстраны, так же легко управляемы, как автомо-

ов ?

биль. Я уверен, что и будущие сложные системы-роботы будут всегда послушны человеку.

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ. А я вижу, что нас снова втягивают в спор: «роботы против человека». Но такая постановка вопроса кажется мне надуманной: цель перед ЭВМ ставит человек, и он следит за тем, чтобы машина не обрывала бразды правления. Некогда, участвуя в аналогичной дискуссии, где способности машин чрезмерно преувеличивались, я не выдержал и сказал: «ЭВМ еще дура набитая. Мы не вырастили собаку, а ищем для нее намордник!»

С тех пор машины несколько поумнели: сменилось несколько поколений ЭВМ, они стали более общительными, обладают большей памятью. И все-таки пока это железные ящики, набитые электроникой, которые, в сущности, не поспевают за быстрым бегом жизни людей, ежесекундно (без программирования) принимающих решения.

Кибернетики мечтают о создании такой машины, которая после получения информации, например, о производстве, сама бы строила модель, проигрывала ситуации и меняла бы их вместе с эволюцией производства, чтобы она предвидела будущее и делала верные выводы,

заменит часть своих естественных органов на искусственные — из неорганических веществ, быть может, металлов. Повторяю, граница проходит не здесь.

Если хотите, то человек — тоже автомат, точнее, гомеостат, естественное устройство, поддерживающее свои внутренние параметры, например, давление, температуру организма, независимо от изменений в окружающей среде. Для этого ему служат не только кровеносные и другие системы, но также одежда, батискафы, космические капсулы — все достижения техники. Человек — мыслящий автомат...

КОРРЕСПОНДЕНТ. «Все смешалось в доме Облонских». Только что говорили, что современным ЭВМ далеко до человека, потому что они не мыслят. И вдруг человек — «просто автомат»!

Э. А. ЯКУБАЙТИС. Нет, я не ставлю знак равенства между машиной и человеком. Ведь когда человек рождается, мы еще не знаем, кем он будет — рабочим, космонавтом, ученым. Все это зависит в большой степени от его воспитания и частично от врожденных способностей. Что же касается машины, то она должна обладать какой-то начальной структурой, определяющей ее предназначение. И вместе с тем ее тоже следует воспитывать, то есть она должна обучаться, изменяться, совершенствоваться в процессе выполнения поставленных перед нею задач. Мы давно уже пытаемся создать такой логический автомат, чтобы он включался в процесс, например, в процесс управления производством, ничего о нем вначале не зная. Только обучившись, он сможет приносить пользу, управлять этим процессом.

Однако аналогия между умными машинами и мозгом есть. Люди разные, а мозг их устроен, в общем, одинаково — из клеток, объединяющихся в нейроны, тканей и других биологических систем. Математическая логика доказывает, что все ЭВМ могут быть созданы на базе трех-четырех видов ячеек, которые объединяются в модули и блоки.

Э. А. ЯКУБАЙТИС. Все это действительно так, но не так просто. Еще лет десять назад считалось, что кибернетику достаточно сесть на белого коня и въехать в чужую область знаний, например, в медицину, и он с ходу, с кавалерийской атаки разрешит все накопившиеся там проблемы. Потом был период разочарования, кибернетики и специалисты из других областей не понимали друг друга. Теперь наступила пора содружества, более тесной работы.

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ. Возьмем такое сложное явление, как сердце человека. Разве можно отдать его целиком в руки узких специалистов — медиков? Знаете ли вы, что даже для того, чтобы определить и лечить инфаркт, одних врачебных знаний еще недостаточно? Необходимо иметь алгоритм и машинную программу для анализа электрокардиограмм. Теперь ЭВМ делает то, что не под силу человеку, анализирует одновременные записи биотоков, помогая врачу в принятии решения на основе анализа биохимических показателей. Но ведь и этого мало. Надо уметь болезнь прогнозировать. А ведь сотни тысяч врачей принимают фактически разные решения при одних и тех же показателях. Далее, вы разве считаете правильным то, что летчиков тренируют на тренажерах на предмет принятия решений, а врачей нет?

Только, пожалуйста, не подумайте, что мы отбиваем у медиков хлеб. Ведь и медицина существует не сама по себе, а для нас с вами. Все дело в том, что природа едина, а специалисты поделили ее границами своих наук. Кто только не занимается изучением мозга! А что мы знаем о его возможностях? Ведь мы используем его, не считаясь с его природой. Так плохо не относятся даже к стиральной машине.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вопрос в том, для чего изучается мозг. Если для того, чтобы строить более умные машины,— это понятно. Другое дело, когда говорят о его улучшении и даже переделке. Признайтесь, здесь возможности науки ограниченны!

МИР ЛЮДЕЙ

пользуясь неполной, а подчас и неверной информацией.

Мечтаем? А ведь такое устройство существует. Это мозг человека. Да, мозг человека, замечательное создание природы, которое во многом еще остается для нас «черным ящиком».

Биологи, медики, психологи — каждый со своей стороны — изучают устройство и работу этого замечательного органа мышления. У нас, кибернетиков, тоже есть свой подход к этой проблеме, свои методы. В прошлом году напечатана моя статья «К вопросу о природе интеллектуальных игр с точки зрения искусственного интеллекта»...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь у искусственного интеллекта, робота, своей точки зрения быть не может, не так ли! Ведь все равно создатели роботов, так сказать, играют за команду людей. И потом есть разница между человеком и неодушевленной машиной...

Э. А. ЯКУБАЙТИС. Я бы не хотел заниматься общими вопросами о живом и неживом, о железных автоматах и людях из плоти и крови. Граница между миром машин и миром людей проходит не здесь. Есть уже органические полупроводники для ЭВМ и металлические протезы для человека. Не знаю, будущее покажет, перейдут ли ЭВМ на биологическую основу, или же человек, попавший в необычные условия, например, в космос или на дно океана,

КОРРЕСПОНДЕНТ. Снова мы возвращаемся к чисто биологическим проблемам. Вспоминаю, как несколько лет назад на форуме кибернетиков в Тбилиси меня отвел в сторону один из его участников и по секрету сказал: «А знаете, ведь такой науки на самом деле не существует. Ну покажите мне в зале хоть одного чистого кибернетика! Вот этот — физик, тот — математик, рядом с ним — биолог. Да здесь же представители всех профессий. Спросите их, и каждый заговорит о своей области знаний...»

Однако он был неправ. Оба наши собеседника говорят об одном и том же — о мозге, о медицине. Но значит ли это, что у кибернетики нет своего предмета для изучения! Об этом кое-кто поговаривает в ученых кругах.

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ. Да, говорят и не замечают то качественно новое, что возникло в науке, которая стала наконец непосредственной производительной силой. Не нужно забывать, что мы живем в эпоху научно-технической революции, когда каждое явление жизни рассматривается не изолированно, и поэтому рушатся перегородки, искусственные заборы между разными областями знаний. Кибернетика — наука фундаментальная, и не удивительно, что и приложения ее возможны ко всем областям действительности: медицине, технике, управлению.

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ. Что ж, вы правы: мозг переделать невозможно. Да и ни к чему это: нас интересуют результаты деятельности человека, работающего с ЭВМ. Умные машины умножают интеллектуальную мощь человека. Это верно. Но ведь произведение зависит от того, каков первый сомножитель — способности самого человека. И вот тут, в условиях научно-технической революции, неизмеримо вырастают требования к человеку, который работает с умной машиной. Вот вы, например, в школе учились многому, а скажите, творчеству вас обучали? Нигде этого не делают. А нужно. Вам, наверное, хочется иногда выразить свои чувства на языке музыки, живописи, скульптуры, прикладных ремесел? Просто так, для себя? Хочется! Но невозможно. А почему? Потому что обучиться этому не хватит человеческой жизни. Здесь нужны новые методы и помощь машин. И тогда расцвет человеческой личности не будет связан с ограничениями из-за недостатка времени.

Мы у себя в Институте кибернетики разработали систему психоэвристического программирования и управления интеллектом. Для чего? Чтобы повысить эффективность мышления. Ведь творческие усилия человека прямо зависят от того, какую цель ставит перед собой исследователь. Тот, кто ставит планку перед прыжком слишком низко, никогда не возьмет большую высоту.

Как происходит эксперимент? Молодой исследователь входит в кабинет, в котором находится «модель» экзаменующей машины, состоящая из нескольких блоков: Вопроситель, Напоминатель, Решатель, Сравнитель, Фиксатор и некоторые другие. Каждый из блоков ему лично знаком, потому что их роль исполняют... люди, сотрудники института. Опыт ведется в обстановке доброжелательства. Ведущий, опытный специалист, наводит молодого исследователя на цель. Если тот видит свою проблему островом, где нужно укротить льва,— это одно. Если же она кажется ему обжитым парком, в котором ему предстоит проложить еще одну тропку, ясно: пороха он не выдумает.

Нередко на вопрос, зачем испытуемый хочет провести работу, тот отвечает расплывчато: мол, хочет познать природу или раскрыть механизм явления. Тогда ведущий, пользуясь также называемым психоэвристическим программным вопросником, подсказывает, не желает ли молодой ученый сделать свой объект в каком-либо смысле управляемым (то есть подчиняемым воле человека, воспроизводимым, нацеленным на определенный выход). Это уже кибернетический подход.

Обычно после наведения на цель испытуемый ищет связь своей проблемы с другими областями научного поиска. И вот тут ведущий помогает ему сделать следующий шаг — найти применение для своего будущего открытия.

А теперь представим недалекое будущее, когда ученому постоянно придется работать в контакте не с людьми, а с электронным экзаменатором, когда без опроса его не допустят к проведению эксперимента. Решайте сами, будет ли человек деградировать или, напротив, развивать свой интеллект?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы говорим: машина грядущей эпохи или человек XXI века. Но как представить и оценить их, пользуясь мерами сегодняшнего дня! Быть может, легче ответить на первую половину вопроса!

Э. А. ЯКУБАЙТИС. Попробую. Уже сегодня, создавая системы машин, мы используем опыт человеческого общества. В сложной системе машины образуют некую иерархическую систему, напоминающую нынешнее человечество. Общество состоит из людей разных специальностей: рабочих, инженеров, ученых, администраторов. Такая его организация позволила решить серьезнейшие проблемы, вставшие перед человечеством, создать цивилизацию, выйти в космос.

Также и автоматы строятся по такому же принципу. Например, устройству, переключающему светофор, как говорится, большого ума не нужно. Другое дело ЭВМ, управляющая сложной энергетической системой, ей нужно знать, как сманеврировать мощностями, если вышла из строя одна из линий, например, что отключить — кинотеатр или химический завод. Проблемы нужно решать не простым сложением сил, а умелой организацией, разделением труда между разными машинами так же, как между машиной и человеком. Проведенные исследования показали, что на существующих машинах можно проектировать и при их помощи изготовлять более совершенные машины. Таким образом, может происходить воспроизводство одних ЭВМ другими, как бы искусственная эволюция «думающих» машин.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Искусственная эволюция — проблема, которая занимает и писателей и ученых. У фантаста А. Днепрова, например, есть рассказ, где железные крабы совершенствуют сами себя в результате внутривидовой борьбы и естественного отбора. В итоге рождается очень совершенный кибернетический краб. Нечто аналогичное было проделано в Институте кибернетики АН УССР — там в результате «естественного» отбора появились весьма совершенные автоматы. А вот американский ученый Ф. Розенблатт вообще считает, что автоматам нужно позволить развиваться независимо от людей. Но не утерят ли человек власть над столь умными машинами! Эволюция Хомо сапиенс, в общем, закончена. Сможем ли мы всегда оставаться вровень и выше машин в умственном отношении!

Э. А. ЯКУБАЙТИС. Кибернетика — еще очень молодая наука. Кривая ее развития еще так коротка, что мы не вправе очень сильно экстраполировать ее, продолжать в будущее. Вместе с тем не следует ставить пределы и для развития этой науки.

Не потеряют ли люди контроль над мыслящими машинами будущих десятилетий? Во многом это зависит от самих людей, от общества, от его организации, от социального строя. Ведь сумели же мы совладать с джином, выпущенным из бутылки, предотвратить ядерную войну? Будем надеяться, что и при развитии кибернетики людям тоже не изменит разум.

Мы вступили в эпоху научно-технической революции. Очень важно знать, как сложатся отношения человека и ЭВМ. Уходит в прошлое целая эпоха, когда между потребителями и вычислительными машинами стояли «переводчики» — программисты. Сами ЭВМ становятся более общительными, они уже могут выдавать информацию «человеческим» голосом, хотя еще очень плохо понимают человеческую речь.

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ. Организует ли человек химический процесс, выращивает ли растение, выводит ли он новые формы животных — во всех случаях он управляет процессом, держит в руках ключи от узловых проблем. К созданию ЭВМ мы относимся, как, например, к созданию нового сорта пшеницы, только роль ДНК играют придуманные человеком программы. А то, что машины сами совершенствуются в процессе производства, то, что это осуществляют другие ЭВМ, не столь важно, на всех этапах процесс остается **управляемым**. Это — самое главное.

Разумеется, можно создать серию самосовершенствующихся программ (в эволюторе «Киев» эволюционировали не сами автоматы, а их программы) и потом уже решать, каким из них дать путевку в жизнь. В этом смысле предложение Ф. Розенблатта имеет смысл. Но стоит ли плодить и совершенствовать ненужных (а может, и вредных) кибернетических чудовищ? Весьма сомневаюсь. Кибернетика существует для человека, а не наоборот.

Вероятно, как вид человек больше не эволюционирует, но это вовсе не значит, что он не будет развиваться в умственном отношении. Наши потомки, вооруженные ЭВМ, будут умнее нас, подобно тому как мы, используя мощь машин, стали сильнее своих предков. Главное, что в обоих случаях техника выполняет роль «коня». «Всадником» же остается человек.

Человек будущего будет лишен множества еще имеющихся необычайно живучих предрассудков по отношению к машине, к наукам, к возможностям живого мозга, к искусственному интеллекту. Предрассудки эти идут ведь не столько от невежества, сколько от подчас какого-то необъяснимого и, видимо, не всегда осознаваемого страха перед будущим местом человека в жизни. Вот почему кибернетики должны продумывать вопросы проектирования таких «интеллектов», «роботов», АСУ, которые могли бы быть совместимы с людьми, с их психологией, с их жизненными запросами. Тогда не будет необходимости вести борьбу с искусственной технической средой.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы хорошо сказали, что машины — «конь», а «всадник» — человек. Однако конь этот железный. Не затоскует ли наш потомок, окруженный бездушными автоматами! Или, быть может, он, как предсказывают некоторые ученые, отрешится от своего бренного тела, срастется с машиной и станет «киборгом»! Тоже участь незавидная. Вы не знаете, почему кибернетика вызвала к жизни так много пессимистических прогнозов!

В. В. ЧАВЧАНИДЗЕ. На этот вопрос нельзя ответить вне связи с историей и социальными проблемами. Когда некогда в Англии луддиты обрушивали свой гнев на станки, которые, мол, лишали их работы, они просто неверно выбирали цель: виноваты были работодатели, которые эксплуатировали посредством машин одних рабочих и оставляли без хлеба других. А литература, в свою очередь, в том числе и фантастическая, проектировала болезни капиталистического общества на экран будущего.

Научная мифология родилась много раньше кибернетики. Уже в прошлом веке читали и про Голема и про Франкенштейна, про механических чудовищ, оживленных чудесной силой. Роботы пришли к нам из пьесы Чапека «РУР», написанной еще до кибернетических работ Винера. Однако все это воспринималось как выдумка, фантазия. Только в конце пятидесятых годов, когда с появлением умных машин началась научно-техническая революция, старые мифы как будто начали обретать плоть. Хотя кибернетики предупреждали от недооценки и от переоценки ЭВМ — одна из книг видного западного ученого Таубе даже имеет подзаголовок «Миф о думающих машинах».

Недавно вышла книга советского профессора Кобринского «Вот они — роботы». В ней в качестве примеров приводится и наш луноход, управляемый с Земли, и искусственная рука, действующая от биотоков мозга. Но кибернетика развивается так стремительно, что и эти чудо-аппараты становятся прошлым. А вы ведь спрашиваете о будущем кибернетики как науки?

Известно, что мы изучаем прошлое, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о грядущем. У кибернетики тоже есть своя история: за два десятилетия сменились три поколения ЭВМ. На смену электронным лампам пришла полупроводниковая техника, затем микроэлектроника, и, наконец, на наших глазах рождается четвертое поколение машин, отличающееся компактностью, высокой степенью интеграции, большой памятью машин и... общительностью.

Ленинградский писатель Г. Гор наделяет ЭВМ эмоциями, чтобы человеку было легче с ними общаться. Однако эту фантастическую картину он относит к XXIII веку. Но жизнь обгоняет самую смелую фантазию. Американский кибернетик Лоуэллин создал кибернетическую модель «личность Олдос», имеющую свою биографию. Вернее, была создана целая серия Олдосов — пессимистов и оптимистов, решительных и осторожных, умных и глуповатых. Аналогичные работы, но на более высоком уровне, проводятся у нас, в Киеве.

Вы спросите: а для какой цели очеловечивать машины, зачем наделять их даже зачатками эмоций? Но ведь именно эмоции, чувства, помогают человеку решать задачи, то есть вести поиск и в тех случаях, когда у него нет полной информации. Представьте ситуацию: ЭВМ на корабле ищет косяки рыб. Пути движения рыбы зависят от многих факторов, в том числе и от погоды. Чтобы выбрать оптимальную стратегию, то есть поймать необходимый максимум рыбы с минимальными затратами, ЭВМ должна обладать не только способностью бесстрастного анализа объективных данных, но и опытом и выдержкой старого капитана. Ну, а если надо предотвратить аварию самолета, то ЭВМ понадобится решительность молодого, энергичного пилота.

В общем, не удивляйтесь, если к машинам пятого поколения будут прикладываться их биография и характеристика.

Собственно, такие ЭВМ создаются уже сегодня. Машины четвертого поколения работают в режиме диалога. Появились выносные пульты, где человек рисует световым карандашом, а машина его корректирует. Так, например, создаются мультфильмы: человек набрасывает замысел эпизода, скажем, Волк встречает Красную Шапочку, а ЭВМ занимается раскадровкой движений героев. Словом, кибернетические машины делаются все более умными и облегчают жизнь человека в самых разных сферах его деятельности.

* * *

Недавно в Москве была организована выставка электронно-вычислительных машин и оборудования для систем управления, создаваемых в странах социализма. На выставке перед зрителем открылся краешек будущего: не отдельные машины, а иерархия ЭВМ, послушные роботы, которые войдут в каждый дом.

Какой будет наша жизнь при коммунизме в окружении техники завтрашнего дня! Об этом мы можем только догадываться, мечтать. Машины, угадывающие желания и послушные голосу! Возможно. Электронные советчики и даже друзья! Может быть.

Вырастут возможности человека, но большими станут и требования, которые предъявит ему общество. Электронные библиотеки, ЭВМ, позволяющие путешествовать по Венере, не улетая с Земли, потому что машины станут как бы окончаниями нервов, руками и глазами человека,— как представить все это сегодня! Да и хватит ли на это воображения! Так древним виделся Пегас для полетов в небо. А стартовали ввысь непохожие на него самолеты...

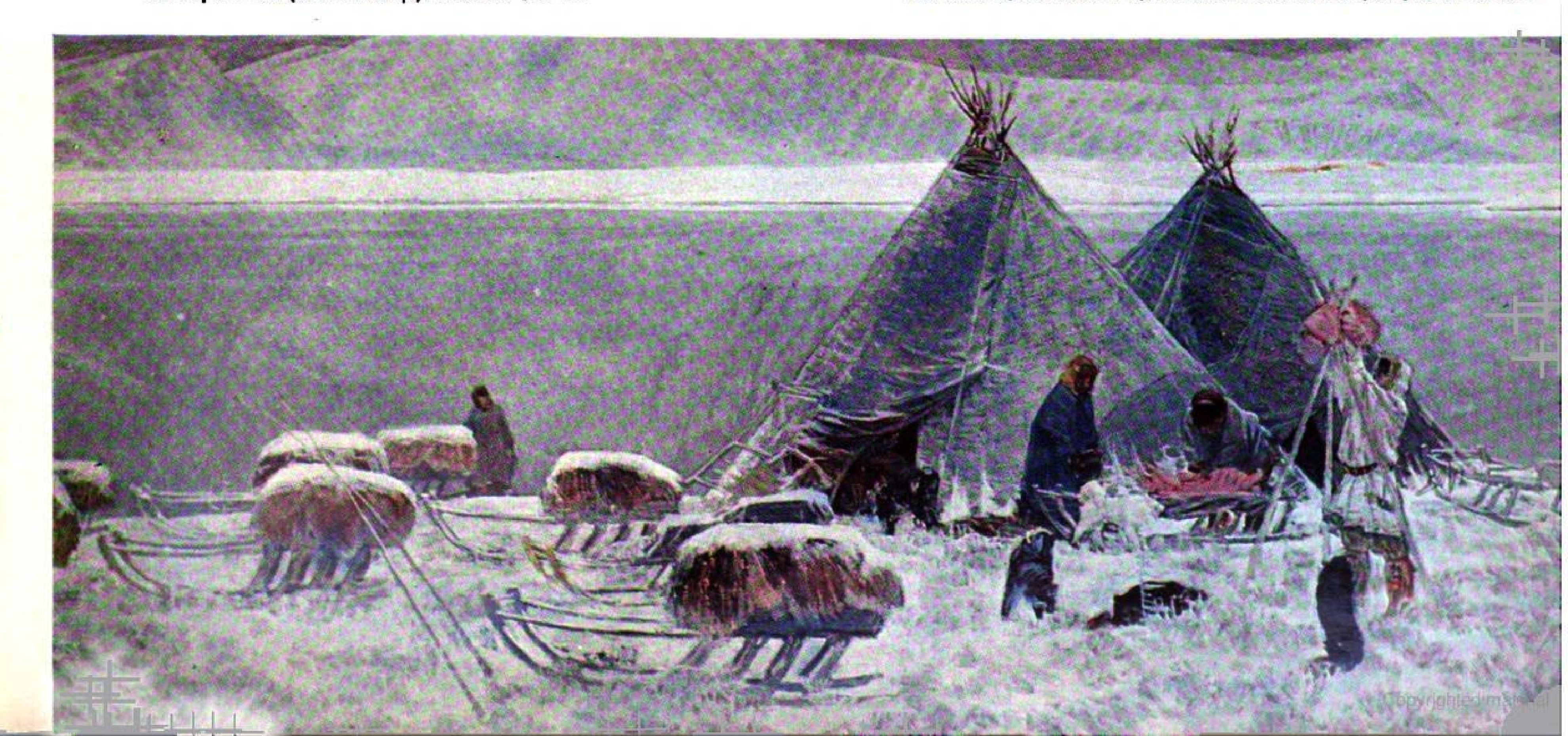
Беседу вел А. ХАРЬКОВСКИЙ.

В. Цвирко (Минск). ХЛЕБА УБРАНЫ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

С. Торлопов (Сыктывкар). БЕЛОЕ УТРО.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

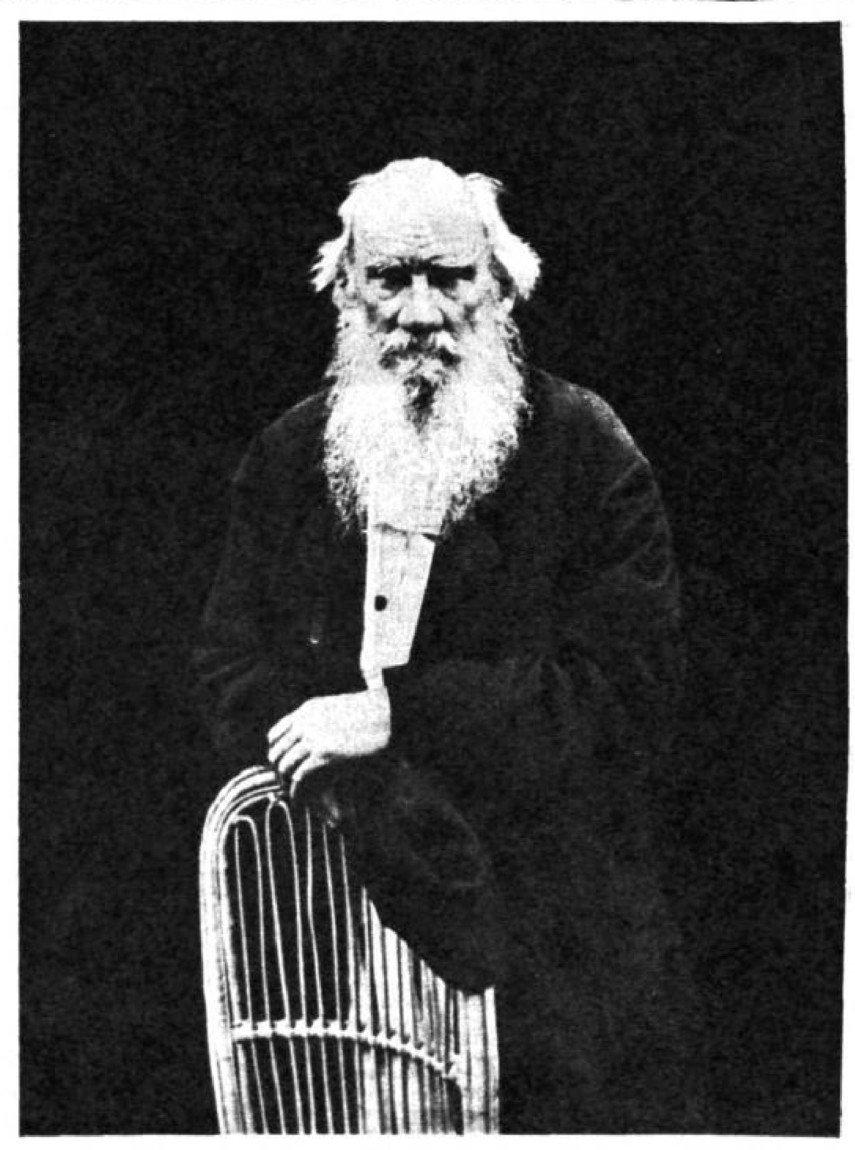

Н. Гюликевхян (Ереван). У ТОНИРА.

Выставка произведений художников Армении, Азербайджана и Грузии.

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

МГНОВЕНЬЯ ЖИЗНИ

Лев Николаевич Толстой. 1908 год.

Большой фотографический портрет Льва Николаевича Толстого относится к числу наиболее значительных его снимков, хотя и не является редким.

При первом же взгляде он поражает тем особенным соединением простоты и сложности, которые были присущи облику Толстого.

Снимок сделан известным петербургским фотографом К. К. Буллой в Ясной Поляне накануне 80-летия писателя.

За два дня усердной работы фотографы (К. К. Булла приезжал с сыном) сделали много снимков Льва Николаевича, его родных и близких, усадьбы Ясная Поляна и ее окрестностей.

Приветливый, любезный, гостеприимный хозяин — таким выглядит Толстой в воспоминаниях Буллы («Петербургская газета», 28 августа 1908 года). По впечатлению фотографа, Толстой «был в хорошем настроении, много шутил и смеялся».

Доктор Д. П. Маковицкий, проживший в доме Толстых несколько лет, отметил другое: «Вид у Льва Николаевича утомленный, и, может быть, он все еще недоволен собой. Сегодня далеко ездил, и утомляли его фотографы и одна барыня из Смирнова, которая вела себя высокомерно со Львом Николаевичем» (Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки»).

Запись сделана 7 июля. В этот же день снята и фотография.

«При помощи В. Г. Черткова мы установили темный фон,— пишет Булла,— и Лев Николаевич отдельно позировал нам для своего портрета».

Фотообъектив словно заглянул в самую глубину души и вопреки поверхностным воспоминаниям фотографа запечатлел то, что было скрыто за приветливостью гостеприимного хозяина, и то, что было лейтмотивом последних лет жизни писателя.

На другой день после отъезда фотографов из Ясной Поляны Толстой записал в дневнике: «Пережил очень тяжелые чувства... Бесчисленное количество народа, и все это было бы радостно, если бы все не отравлялось сознанием безумия, греха, гадости роскоши, прислуги и бедности и сверхсильного напряжения труда кругом. Не переставая мучительно страдаю от этого, и один» (9 июля 1908 года).

Слова Толстого о роскоши в яснополянской усадьбе не следует понимать буквально. Это восприятие Толстого с его обостренным чувством вины перед нищим народом.

Гораздо лучше он чувствовал себя среди крестьян, жизнь которых была заполнена тяжелой, но необходимой работой. Великий труженик, он ненавидел праздность.

Друг Толстого В. Г. Чертков, у которого он гостил, в сентябре 1909 года в подмосковном имении Крекшино сфотографировал писателя с группой местных крестьян.

Узнав о приезде Толстого, они пришли приветствовать его. Завязался разговор, содержание которого Лев Николаевич записал. Впоследствии он послужил ему основанием рассказа «Проезжий и крестьянин».

О. ЕРШОВА,
научный сотрудник
Государственного музея
Л. Н. Толстого

Лев Николаевич Толстой с крестьянами деревни Крекшино. Снято 11 сентября 1909 года В. Г. Чертковым. (Редкий снимок).

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

Что было потом, Ирина не помнит. Очнулась она уже в больнице. Рядом сидели тетя Маша и незнакомый ей человек в небрежно наброшенном на плечи халате. Догадалась: не доктор. От нее не скрыли — Глебов погиб. Позже она узнала и все остальное. Это «все остальное» было зафиксировано в протоколах. При обыске покойного, его квартиры и машины нашли набор кассет с магнитофонными записями, такими же, какими он «услаждал» слух Ирины. Дома, в тайнике, устроенном в стенном шкафу, было обнаружено несколько библий, микропленка с записью «радиобеседы» «Свободной Европы», два номера журнала «Посев», изданная в Италии антисоветская листовка «За свободу». Над заголовком призыв: «Читай и передай другому». В один из номеров журнала вложена фотокопия письма некоего Соловьева. В письме — подробное изложение целей и задач зарубежного сборища «спасителей России», именующего себя «Народно-трудовым союзом» (НТС), инструкции, как поддерживать с ними связь, приглашение активно сотрудничать, помогать. Найдено было и чье-то недописанное письмо. Сразу же установили — Глебова. Оно адресовано неизвестному москвичу.

«...Дружище! Когда я вернулся из Москвы, был несказанно удивлен, обнаружив в одном из журналов, который ты дал мне перед отъездом, фотокопию письма какого-то господина Соловьева. Если сие чтиво предназначено мне, то заявляю тебе прямо и решительно: нет, дружище, я не приемлю это послание. Мне чуждо и непонятно все, что он там наворотил. Может быть, письмо мне не предназначено и ты случайно оставил его в журнале? Нужно встретиться и поговорить. Есть рубеж, переступать который мы не имеем права... Это письмо вручит тебе мой товарищ — после праздников он полетит в Москву... Я хочу, чтобы ты меня правильно понял... Я не ортодокс, но со многим в письме не согласен...»

На этом письмо обрывалось.

В тайнике лежал также листок с двумя лондонскими адресами. И почтовая открытка с видом Московского университета. На ней кем-то неизвестным, во всяком случае, не Глебовым, по-английски был написан адрес получателя. Позднее Бутов проверит: скромная булочная на окраине Лондона. И еще листок. Буквы и цифры «З. Р. Р.» и «И. Р.». Нетрудно догадаться: «Захар Романович Рубин» и «Ирина Рубина». Цифры — номера телефонов. Домашние и служебные.

На столе лежало письмо из Москвы, подписанное инициалами «З. Р.». Автор благодарил за книгу и сообщал, что «общий знакомый» не звонил и обещанных Глебовым катушек не передавал». Теперь Бутову уже известно: З. Р.— это Захар Рубин. И почерк его.

Какая связь между всем найденным у Глебова и тем интересом, который был проявлен покойным к дочери доктора Рубина,— все это для Бутова оставалось пока неизвестным. Не внесли ясность и первые сведения о Глебове: инженер-строитель, беспартийный, холост. В Москве живет его мать. Больше родных нет. Жил на квартире у богобоязненной старушки, владелицы небольшого домика. Любил принимать гостей и ходить в гости. И все.

...Бутов уже собирался идти на доклад к генералу, когда позвонил Покровский.

— В приемной Захар Романович Рубин. Да, да, сам пожаловал. С чем? Не знаю... Понятно... Продолжаю...

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР

Что скажет ему человек в приемной? Не случайное же это совпадение: таинственная телеграмма пока еще неизвестного Сергея, приключение Ирины Рубиной в Карпатах, автомобильная катастрофа, антисоветские магнитофонные записи и прочие дурно пахнущие материалы, найденные в квартире инженера Глебова, и появление в приемной КГБ Рубина, отчима Ирины, человека, видимо, причастного ко всем этим событиям последних дней. Зачем пришел? Внести ясность, помочь? Или наоборот — запутать следы? Спешит выгородить себя, Ирину?

...У него красивое, четко вылепленное, уже немолодое лицо: волевой подбородок, длинный тонкий нос с горбинкой, широкий покатый лоб, прорезанный глубокими морщинами, и совершенно лысая круглая голова. Полковник подошел к нему, сказал:

— Захар Романович? Будем знакомы... Милости прошу...— И, распахнув дверь кабинета, пропустил посетителя вперед.— Садитесь. Видимо, у нас будет долгий разговор? Не так ли?

— Да, мне надо рассказать о многом...— Рубин положил перед собой листок бумаги, испещренный пометками.

На лице Захара Романовича можно было уловить испуг и растерянность, надежду и тревогу. Видимо, противоборство этих чувств мешало ему начать разговор.

— Я, право, не знаю, с чего начать...

— С чего вам будет угодно...

И, не глядя на Бутова, Рубин глухо произнес:

— Я агент иностранной разведки...

— Ни больше ни меньше... Любопытно...

— Да, это так!

«Шизофреник»,— первое, что подумал Бутов. Ему приходилось встречаться и с такими. И он уже приготовился терпеливо слушать бредовую исповедь.

— Я вас слушаю... Вы не волнуйтесь...

— Постараюсь... Страх, кажется, уже остался позади. И теперь никто не сможет свидетельствовать против меня, кроме совести и памяти. Да, поверьте, всю эту долгую и ужасную ночь я почти не спал, давал показания самому суровому суду: совести и памяти...

Несколько успокоившись, Захар Романович заговорил более ровным голосом:

— Я врач, хотя последние годы с головой ушел в науку... А сейчас врач вы. И я перед вами, как это делали когда-то мои пациенты, раздеваюсь донага... Вот все мои болячки — разглядывайте их!

Он на мгновение умолк, потом стал говорить еще более возбужденно, чем прежде.

— Вчера вечером, когда я вернулся домой, Костя — это мой двоюродный брат,— он на день остановился у меня проездом через Москву — сказал: «Тебя кто-то трижды спрашивал по телефону». «Кто?— спросил я его.— Он назвал себя?» «Нет, хотя я и поинтересовался: «Как передать о вас Захару Романовичу?»

Я заметил Косте, что, видимо, звонил человек, лишенный элементарной вежливости. Да и мало ли кто мог звонить? Возможно, кто-то из бывших пациентов. Может, нагрянул кто-нибудь из родных. В общем, я не стал утруждать себя догадками. И вдруг снова телефонный звонок. Это было в десять тридцать. Я запомнил. По радио кончили передавать последние известия. Я взял трубку. Это звонил он...

— Кто он?

— Простите, я забегаю вперед... В голове — полный сумбур. Вы еще его не знаете... Со мной разговаривал по телефону неизвестный. Он переспросил: «У телефона Захар Романович?» «Да. С кем имею честь?» «Добрый вечер. Я могу вас повидать?» «Кто со мной говорит?» «Это несущественно. Я должен буду видеть вас и передавать вам сувенир Андрея Воронцова»,— сказал человек с едва заметным иностранным акцентом. «Какой сувенир?» «Безопасную бритву... Лезвия фирмы «Жилет».

...Андрей Воронцов... Бритва «Жилет»... Все ясно... Страшный отголосок войны! Свершилось то, чего я уже перестал бояться. Даже научился отгонять сами воспоминания о случившемся тогда, там... Между тем неизвестный настаивал: «Я имею возможность видеть вас?» И неожиданно для меня повторил этот вопрос по-немецки. «Мне легче было бы говорить с вами на английском, господин Рубин. Это мой родной язык. Но вы, кажется, предпочли бы немецкий. Так?»

— Я растерялся и сразу...

— Прошу прощения,— прервал Бутов.— Вы говорите по-немецки?

— Да. Мать учила меня этому языку в детстве. Я даже, кажется, первые слова лепетал немецкие... Мама была преподавательницей немецкого языка. Но о маме потом...— И морщины вокруг его глаз как будто стали глубже.

— Итак, бритва «Жилет»... Андрей Воронцов... Я сразу все вспомнил, хотя прошло более двадцати пяти лет. Я догадался, по чьему заданию добивается сейчас встречи со мной этот человек, и резко заявил: «Никакого Воронцова не знаю и знать не хочу. Никаких бритв мне не нужно, никаких сувениров не жду и не имею желания встречаться с незнакомыми людьми». Но мой собеседник все так же спокойно продолжал по-немецки: «Завтра утром я улетаю из Москвы и не располагаю другой возможностью увидеть вас, чтобы передать сувенир Андрея Воронцова». Я молчал. Тогда незнакомец мягко, чуть ли не просительно заговорил по-русски: «Я глубоко уважаю вас, доктор. Поверьте, хочу вам только добра. То есть настоящая правда... Я не буду отнимать у вас много времени. Но мне будет неприятно, если я не выполню просьбу нашего общего друга. Буду убедительно просить вас встретиться сейчас со мной. Жду вас...» Мне не было дано много времени на раздумья. И я согласился. «Приходите ко мне домой,— предложил я.— Мой адрес...» Незнакомец прервал: «Я буду полагать, что нам есть удобнее встретиться на улице...» Я ссылался на недомогание, простуду, но мой собеседник настаивал на своем. Наконец я сдался. «Откуда вы звоните?». «Из телефона-автомата. Недалеко от вашего дома...— И добавил: — Я буду в бежевом плаще, роговых очках и в бежевой шляпе. В руках у меня будет журнал. Впрочем, я вас сам узнаю...» Теперь я совсем растерялся: «Я вас сам узнаю... Я нахожусь недалеко от вашего дома». Кто он, этот человек? О многом я догадывался. Но прошло двадцать пять лет... «Я вас сам узнаю...»

Как условились, мы встретились у кинотеатра «Форум». Только что окончился последний сеанс, народу было много, но человек в бежевом плаще сразу же отыскал меня в толпе. Он приветливо улыбнулся, протянул руку и сказал: «Будем знакомы, доктор. Меня зовут Курт Ивен». Высокий, поджарый, лет пятидесяти, светлоглазый, с черными усиками и очень длинными руками. Он размахивал ими так, будто маршировал на плацу. Я навидался таких: прямые, откинутые назад плечи, несгибающиеся ноги. Узнал бы я его по фотографии? Пожалуй, что да. У него своеобразное лицо...

От «Форума» мы пошли к Самотечной площади и там свернули на Цветной бульвар. Я шел, глядя только под ноги — так, вероятно, сапер шагает по минному полю. Ивен непринужденно болтал о погоде, о московских впечатлениях: «Я уже не первый раз в Москве, люди стали заметно лучше одеваться, много хороших товаров в магазине». Потом — о городском шуме, росте автомобильного движения... Иностранец говорил, а я молчал. Я ничего не спрашивал и ничего не сообщал ему о себе, но он, видимо, и не рассчитывал на это. Он сам дал понять, что ему известна моя работа в научном институте... Мы решаем специальные проблемы, имеющие и мирное и военное значение. Смею думать, мирового масштаба. Мы — это физиологи, биохимики, физики, микробиологи, специалисты санитарной гигиены.

— Туманно... Чем же вы все-таки занимаетесь?— спросил Бутов.

Захар Романович молча вынул из бокового кармана пиджака удостоверение, развернул его и подал Бутову. Прочтя его, Бутов вернул документ владельцу и со свойственной ему любезностью обронил:

— Благодарю вас. У вас, видимо, интересная работа... И в весьма перспективном институте.

— Нечто в этом роде, не заглядывая, конечно, в мой документ, заметил и господин Ивен. Он говорил о будущем человечества, о призвании ученых не допустить гибели цивилизации и незаметно перешел к сути своего поручения.

ПАРОЛЬ

— Я турист и приехал в Советский Союз две недели назад. Завтра я буду лететь домой. Меня ждут дела, и я не могу быть задержан до конца срока...— И снова повторил, кажется, в третий раз.— Я имею просьбу друга передать вам подарок Андрея Воронцова... И большой привет... И добрые пожелания...

И тут же протянул мне пакет. Вот он.

Бутов развязал золотистую ленточку, развернул пакет и, отложив бритву в сторону, начал старательно рисовать на листе бумаги бога Шиву, у которого почему-то оказалось куда больше рук и ног, чем предусмотрено индийской мифологией.

Продолжение. См. «Огонек» № 37.

Захар Романович с недоумением взглянул на Бутова, не зная, продолжать ли ему свой рассказ — может, это совсем неинтересно человеку, сидящему за столом и увлеченно рисующему бога Шиву? Бутов перехватил недоуменно-растерянный взгляд доктора:

— Вы продолжайте, Захар Романович... Я вас внимательно слушаю. Итак, вам вручили сувенир от Андрея Воронцова... И все?

— Нет... Это был только пароль. Вручив бритву, Ивен отчеканил: «Что передать вашим друзьям?» Я спросил: «Каким?» Ивен взял меня под руку: «Не надо так... В нашем сложном и пока еще плохо устроенном мире никогда не угадаешь, выиграл ли ты, отрекаясь от старых друзей, или проиграл. Это лотерея. Если к тому же учесть деликатность обстоятельств, при которых вы расстались с друзьями... Вы умный человек, господин доктор... Организм наш весьма сложен, но жизнь сложнее. Меня попросили напомнить вам об этом. И я тоже имею желание кое-что сказать... Перед поездкой в Москву я имел удовольствие немного посмотреть ваше... Как это у вас говорят? Рабочее дело? Так?

— Какое рабочее дело? — спросил я.

— Я прошу простить... Я ошибался в названии. Личное дело. Да, да... Личное... Но там сказано про ваше рабочее дело. То есть те сообщения, которые вы любезно посылали господину Квальману.

Я чуть было не закричал: «Никаких сообщений я никому не посылал!»

— Это вы ему так сказали,— заметил Бутов.— А мне что скажете?..

— То же самое, что и ему. Утверждаю: никаких сообщений я никому не передавал.

— Будем считать, что так оно и есть. Продолжайте...

— Я с трудом сдержался, чтобы не ударить иностранца. Я заявил ему: «Это шантаж!». А он: «О нет, то есть плохая память. В вашем деле, господин доктор, лежат пятьдесят три страницы. Они сшиты и пронумерованы. В них тоже под номерами — пятнадцать сообщений Сократа господину Квальману. Вы не забыли вашей клички? У вас действительно лоб Сократа, господин доктор. Вы и сейчас чем-то напоминаете великого мудреца». Он с нагловатой ухмылкой посмотрел на меня и неожиданно перешел совсем на другую тему. «Как ваше здоровье? Работа? Дочка? Я слышал, вы очень милый, общительный и гостеприимный человек. Да, так есть?» — вопрос носил риторический характер. «Ваши друзья говорили мне, что вы большой любитель всего красивого — картин, книг, антикварных ценностей и... Говорят, что после смерти жены вы потеряли все свои волосы на подушках красивых женщин? О, то есть настоящий мужчина!»

Бутов улыбнулся, прервал свое рисование и спросил:

— Это было желание блеснуть остроумием или знанием вашей биографии?

Захар Романович покраснел и, запинаясь, пробормотал:

— Видимо, последнее...

— Но откуда господину Ивену известны столь интимные подробности вашего житья-бытья?

— Не знаю...

— Ну, что ж, продолжайте.

— Я никак не реагировал на вопрос Ивена и заметил, что сейчас уже позднее время, я себя плохо чувствую и нам пора расстаться. Господин Ивен не удерживал меня, но, прощаясь, сказал: «Я желаю вам всего доброго. Успехов во всем. Наши общие друзья рады вашей общительности. И просили передать: в будущем, возможно, к вам приедет еще один гость. Оттуда... Он тоже привезет привет и сувенир от Андрея Воронцова. Не откажите в любезности — примите его с русским, как это говорят у вас? Да, то есть... радушием. И если потребуется, я буду просить вас помогать ему выполнить пустяковые поручения...» Я ничего не ответил, ничего не пообещал и пошел к Самотеке. Сделав несколько шагов, я оглянулся. На том месте, где мы только что стояли с Ивеном, уже никого не было.

...Полковник внимательно смотрит на собеседника. Нет, нет, это не шизофреник. За потухшим его взором угадывалась напряженная работа мысли и большая тревога, неуверенность даже в том, уйдет ли он отсюда. Это уж Бутову известно по опыту многих бесед в приемной. Но почему доктор вдруг умолк? Нечего больше сказать или не хочет? Рассказ оборвался на самом важном. А ему, Бутову, нужно знать, есть ли какая-нибудь связь между таинственной телеграммой, полученной два дня назад падчерицей Захара Романовича, и всем тем, что только что сообщил он сам? Телеграмма... Неожиданный отъезд Ирины... Авария... Тайник в квартире Глебова... Знает ли обо всем этом Захар Романович? Возможно, ему еще ничего не сообщили, а возможно, что знает и по каким-то причинам не хочет касаться этих тем. «Подождем, не будем торопить собеседника».

Бутов встал из-за стола и взглянул на часы: «Поздновато. Иностранец, если таковой реально существует, уже улетел». Потом подошел к Рубину.

— Вы к нам из дома или с работы?

Захар Романович помедлил с ответом.

— Я боялся, что кто-то будет следить за мной... В свое время мне предоставили возможность достаточно хорошо изучить методы работы Ивенов... Я долго петлял по Москве, пока не пришел к вам.

Умолк и стал внимательно изучать свою шпаргалку. Бутов улыбнулся:

— Доктор, не старайтесь рассказывать по заученной схеме. Может, так получится несколько растянуто, но нам... Простите, мне спешить некуда. А вам? Ну и отлично. Прошу вас... Воронцов — это реальное лицо? Ах, даже друзьями были, вместе учились в школе, институте, в одном медсанбате служили. Так-так. К чему же тревожиться? Не надо так расстраиваться.— Бутов говорил тепло, доброжелательно, даже сочувственно.— Позволю себе напомнить вам возможность такой ситуации: ваш друг Андрей Воронцов попал в плен, остался на Западе в качестве перемещенного лица и теперь вспомнил о вас. С самыми добрыми намерениями. По долгу службы, как вы догадываетесь, я всегда должен быть начеку и тем не менее позволю себе допустить вариант, исключающий злой умысел. Вы согласны?

— Нет... То есть в принципе да... Но в данном случае такой вариант исключается. Андрей Воронцов погиб в августе сорок четвертого. Его мать получила официальное извещение... «Ваш сын геройски...» и так далее, как положено. Имя Воронцова плюс бритва «Жилет» — это пароль для связи.

— С кем?

— Со мной...— Рубин ответил, виновато понурил голову и в ожидании новых вопросов снова стал заглядывать в шпаргалку.

— Ну, что же, извольте... Если вам не обойтись без записей... Прошу вас... Может, угодно подкрепиться? Боржом, чай? Я понимаю: нервы, проклятые нервы. Итак, я вас слушаю...

ВОЙНА ВНОСИТ КОРРЕКТИВЫ

Рубин родился и учился в Москве. Отец умер, когда мальчику шел лишь второй год. В школе у него было два увлечения — немецкий язык и радио. В первом «повинна» была мама, Аделина Петровна, переводчица с немецкого. Даже не столько она сама, сколько Курт Зенерлих, один из австрийских инженеров, работавших по договору на большом московском заводе. Рубина была прикреплена к этой группе, и случилось так, что с Зенерлихом у нее установились отношения более близкие, чем служебные.

Она жила недалеко от дома иностранных специалистов. Зенерлих, возвращаясь с работы на машине, нередко приглашал «фрау Аделину»: «Нам с вами по пути, поедем вместе». Как-то в субботу она сказала ему: «Если сегодня вечером у вас не будет ничего более интересного, то заходите к нам на пельмени. Я хочу познакомить вас с сыном — он увлекается немецкой литературой».

С тех пор она стала встречаться с Зенерлихом и вне завода. И часто вместе с сыном. Втроем ходили в театр, кино, заводской клуб. Зенерлих охотно приносил Захару немецкие книги. Аделина Петровна была счастлива — ее сын, будущий лингвист, имеет возможность разговаривать с человеком, для которого немецкий язык — родной. В том, что Захар будет лингвистом, Рубина не сомневалась. В этом она окончательно утвердилась после заводского вечера интернациональной дружбы, где Захар читал Гейне на немецком языке. Слушатели бурно аплодировали, а Курт Зенерлих, сидевший рядом с Рубиной, восторженно говорил ей: «Это вундеркинд, Аделина Петровна!»

Что касается самого Захара, то он еще не решил: радио или лингвистика. Во всяком случае, мальчик с увлечением занимался в радиокружке, где легко освоил работу на ключе передатчика. Курт Зенерлих одобрительно относился к обоим увлечениям. «Если мальчик успевает и в одной и в другой области,— говорил он Аделине Петровне,— не надо ему мешать». А несколько тщеславный Захар был горд тем, что экзаменовавший его радист первого класса сказал ему: «Молодец... Я бы взял тебя с собой в экспедицию. Хоть на полюс!»

Слова, оброненные радистом, попали на благодатную почву — юноша мечтал о далеком Севере. Захар не стал лингвистом. Его подхватили ветры того неповторимого времени, которое рождало покорителей Северного полюса и строителей Магнитки. И судьбе угодно было, чтобы на одной из зимовок появился только что окончивший десятилетку паренек с незаурядными способностями радиста.

Через два года работы на Севере ему дали отпуск, и он полетел в Сочи.

...Солнце, море, поездки на Рицу, в Гагру. Первый в жизни отпуск на самостоятельно заработанные деньги. И притом немалые. К быстро сложившейся веселой компании прибилась молодая красивая женщина, которой Захар — так ему казалось — был не безразличен. Может, потому, что — бывают же такие совпадения! — она тоже радист-любитель и занималась в радиоклубе Осоавиахима.

Уже на пятый день знакомства Захар знал, что Елена Бухарцева замужем, ее муж — ученый-медик.

До отъезда Елены из Сочи оставалось еще

две недели, когда пришла телеграмма: сослуживцы мужа сообщали, что, находясь в командировке в Сибири, Бухарцев, видимо, утонул во время купания. Тело его так и не нашли. В тот же день Елена вылетела в Москву. Захар поехал на аэродром провожать ее. Он старался сохранить на лице подобие скорбного выражения, но ему это плохо удавалось.

Через неделю Захар получил от Елены телеграмму из Москвы и тут же покинул благословенный край. Бухарцеву он застал в полной растерянности. Она не могла даже исполнить последний свой долг перед мужем: положить цветы на его могилу. Таковой, увы, не существовало. Более того, бывший ученик профессора, явно претендовавший ныне на место шефа, пустил слушок, что-де, мол, время ныне нелегкое (шел тридцать седьмой год) и неизвестно, действительно ли с Николаем Павловичем случился разрыв сердца в воде (явление отнюдь не редкое), или же профессор исчез при других обстоятельствах. Рано утром в воскресенье он ушел из гостиницы и больше его не видели. Что произошло в действительности, никто не знал. Но говорили разное: вероятно, утонул, будучи в состоянии крепкого подпития — профессор любил выпить. А может, разрыв сердца в воде?.. А может?.. И сослуживцы многозначительно разводили руками. Так это или не так — разбираться не стали. Но слух был пущен, и все вытекающие отсюда последствия Елена ощутила сразу же. Даже в институте. Резко изменилось отношение к ней и в ректорате и со стороны преподавателей.

В эти тяжелые для Бухарцевой дни Захар твердо решил, что не покинет Елену. Он будет рядом с ней. Радист первого класса, он стал студентом-медиком. Однако «подруге юности» своей — радио — Захар не изменил. Правда, в институтском Осоавиахиме радистов не очень-то жаловали, и под опекой инструктора-общественника оказалось всего лишь пять энтузиастов. Среди них и Елена. Захар пытался было ходить в районный клуб, но времени для этого не оставалось. А тут случилось так, что Елена решила стать парашютисткой. Ну, что же, значит, быть и ему, Рубину, на летном поле.

Захар не скрыл дома своих парашютных увлечений, утаив лишь первопричину. Он знал свою мать, она «запилила» бы его: «Связать свою жизнь с женщиной, которая намного старше тебя, к чему это?» Аделина Петровна и без того была в ужасе: «Ну, хорошо, лингвистом ты не стал, немецким занимаешься лишь постольку-поскольку. Но к чему эти страшные, никому не нужные прыжки?.. Это какой-то психоз у молодежи... Захар, опомнись».

Захар успокаивал маму, подтрунивал над ней, а потом принялся убеждать, что настоящий мужчина не может не быть парашютистом. И в доказательство подсовывал ей полосы газет, звавших молодежь в аэроклубы. Но сам-то он хорошо знал, что только одна сила заставляет его тратить драгоценное студенческое время на парашютный спорт — женщина...

Они недолго занимались теорией, укладкой парашютов, прыжками с вышки. Вскоре началось самое интересное — прыжки с самолета. Захар был несказанно горд, когда на лацкане его пиджака появился значок с цифрой «50». Пятьдесят прыжков — это уже класс! Пятидесятый был выполнен весной сорок первого.

Захару запомнился тот день. Он возвращался из Тушина с таким чувством, словно продолжал парить под шелковым куполом. Шел слепой, пронизанный солнцем теплый дождь, а потом сказочно-ярко вскинулась радуга, и на лицо его, когда он шел парком, падали тяжелые капли с изумрудной листвы, опьяняюще свежей от недавнего дождя. Захар шел, напевая какую-то модную в ту пору песенку про пилотов, и на душе у него было поистине благостно. Может, еще и потому, что через неделю вместе со своим другом Андреем Воронцовым он уезжал на практику — им оставался всего лишь год учебы. Правда, Захару хотелось задержаться в Москве еще недели на две-три, чтобы окончательно убедиться: Елену, его Елену, оставляют в аспирантуре. Тогда они отпраздновали бы это радостное событие. Но что делать? В институте студентов последнего курса торопили: будущих врачей уже ждали.

Незадолго до отъезда Захар и Елена пошли в зал Чайковского. За билетами Захар гонялся три дня подряд, вставая в пять утра: гастролировала какая-то знаменитость. Когда первые звуки симфонии наполнили зал, Елена судорожно сжала руку сидевшего рядом Захара: так бывало всегда, когда они погружались в мир музыки. А потом всю ночь гуляли по Москве. Над рекой нависло черное небо, в котором одиноко и неверно мерцали редкие звезды. Захар и Елена смотрели на эти мерцающие миры и говорили о том, что и в жизни так: счастье, как звезда, то вспыхнет, то угаснет, то пробьется сквозь туман, то снова скроется. Когда наступил час прощания, Елена осторожно, ласково положила свою руку на руку Захара, слегка сжала ее и тихо сказала:

— Первого сентября в этом же месте, в восемь вечера... Хорошо? Договорились. Посмотри, вон из-за туч выглянула звездочка, наша звездочка.

За несколько дней до отъезда Захар зашел в комитет комсомола. Секретарь был занят, просил подождать в приемной. Дверь в секретарский кабинет была приоткрыта, и Рубин услышал, что разговор идет о Елене Бухарцевой, о ее аспирантуре. Он сразу насторожился. То, что Захар услышал, вызвало в нем сначала возмущение, а потом... Накатило то, в чем он даже сам себе не решался признаться: страх. За кого? Он старался уверить себя, что тревожится за Елену. Но ему это только казалось. Он испугался не за нее, а за себя.

Секретарь комитета комсомола давал кому-то объяснения по поводу биографии Бухарцевой. И снова всплыла давняя версия: обстоятельства гибели Николая Павловича тогда, в тридцать седьмом. И чей-то незнакомый голос произнес: «Тут что-то неладно. Пожалуй, в аспирантуру зачислять воздержимся. И вообще еще неизвестно, как события будут развиваться. Имя профессора теперь даже стараются не вспоминать. Следовало бы, между прочим, присмотреться и к другу Бухарцевой. Бросил специальность радиста... Пошел за ней... Оба почему-то начали изучать парашютное дело. В этом тоже надо разобраться».

В тот день Захар должен был позвонить Елене: они собирались вместе провести вечер. Но он не позвонил. Ни в тот день, ни на следующий, ни на третий. Решился только в самый канун отъезда. Елена встревоженно спросила его: «Что случилось? Ты болен? Я уже хотела к тебе приехать. Мы с тобой сегодня должны обязательно повидаться. Мне нужно с тобой посоветоваться». Рубин ответил, что сегодня очень занят, а завтра утром уже уезжает и, вероятно, ничего не случится, если они встретятся после его возвращения с практики. Елена еще раз попросила: «Захарушка, милый, ты мне сегодня нужен больше, чем когда бы то ни было! Пойми это. Мне...» И вдруг резко оборвала разговор, словно догадалась о чем-то. «Ну, что же, раз занят, так занят... Будь здоров...»

На практику Захар и Андрей прибыли 10 июня сорок первого. В маленьком живописном городке невдалеке от границы с Латвией их встретили радушно. Первые десять дней пролетели незаметно. Новые знакомства, встречи, беседы. Познакомились и с секретарем райкома партии. Он приезжал в больницу на партсобрание...

Двадцатого июня от Елены пришла телеграмма: «Аспирантуре отказали. Встреча первого сентября отменяется». А двадцать третьего, на второй день войны, Захара и Андрея направили в полевой госпиталь. Дипломов врача у них еще не было, но война уже вносила свои коррективы.

В ТУМАНЕ...

Госпиталь находился в маленькой деревушке неподалеку от городка, куда они приехали на практику. Ночью его быстро развернули, на следующее же утро начала действовать операционная, а в полдень по улице прогрохотали фашистские танки и проследовали дальше, на восток. А еще через полчаса по деревне открыла огонь артиллерия. Чья — разобрать было невозможно. На Захара, зашедшего в соседнюю избу, обрушились бревна и кирпичи...

Очнулся он уже на операционном столе — конец расщепленного бруска распорол левый бок и сломал ребро. У изголовья стоял Андрей. Захар попытался изобразить на лице нечто похожее на улыбку: «Не робей, кромсай!»

В общем, операция прошла удачно, но случилось то, чего хирурги больше всего боятся: сепсис. Если строго придерживаться тех истин, которые Рубин столь усердно постигал в институте, то он, несомненно, должен был отправиться к праотцам: несколько дней молодой военврач был без сознания, метался, бредил, что-то кричал, чего-то требовал, кого-то звал. Кого? Это знал только Андрей: имя Елены ему говорило о многом. В мыслях Воронцов уже простился с другом, но свершилось одно из тех чудес, которые случаются только на войне,— Захар выжил и стал быстро поправляться.

Первое, что он увидел, когда пришел в себя,— это серо-зеленые мундиры немцев, хозяйничавших в палате. Захар все понял. Он с трудом повернул голову в сторону распахнутого окна — тонкий луч света прокрался из лесу, сквозь спутанные ветви. Оттуда, где был свет, доносилась немецкая речь. Выстрелов не было слышно. Значит, линия фронта откатилась на восток и деревушка уже в тылу врага.

Наших медиков и раненых фашисты пока не трогали. Позже Захар понял, что это была не гуманность, а расчет. Захара после выздоровления оставили в госпитале. «Вы будете у нас работать»,— сказал ему главный хирург, толстый рыжеволосый человек с узенькими, хитроватыми глазками, имевшими свойство вдруг нагло впиваться в тебя, надолго и пристально. В палатах — если грязные бараки можно было назвать палатами — лежали только раненые военнопленные. Их лечили, если это можно было назвать лечением. И едва они начинали самостоятельно двигаться, как тут же их сажали в машины и куда-то отправляли. Куда? Захар безуспешно пытался узнать это. В общем, госпиталь оказался довольно странным.

С Воронцовым Рубин теперь виделся редко. Жили они в разных домах. А если и встречались, то в разговор не вступали. Впрочем, они понимали друг друга и без слов: «Что-то надо предпринимать!»

Так тянулись дни, недели, месяцы, полные отчаяния и безнадежности. В немногие свободные часы Захар недвижимо сидел, тупо глядя в землю. Иногда его охватывала ярость, но бессильная...

В один из весенних дней сорок второго года Рубина неожиданно вызвал начальник госпиталя и приказал: «Шнель, шнель...» Надо было быстрее собраться и ехать к какому-то больному немцу. На улице уже ждал «оппель». Немец-шофер доставил Захара в соседнюю деревню. Рубину никогда не приходилось бывать там. Машина подкатила к зданию бывшей школы. У входа стояли часовые. Шофера здесь, видимо, хорошо знали, никто даже не спросил у него пропуска, а доктору предложили не выходить из машины. Минут через десять шофер вернулся и отвез Захара на окраину деревни. На пышной кровати, выдвинутой к середине просторной комнаты, лежал полный мужчина лет пятидесяти, гладко выбритый, с толстой шеей. Майор Квальман говорил гнусавым голосом и жаловался на болезнь печени. Не надо было быть большим специалистом, чтобы сразу установить источник зла: алкоголь. Захар понимал, однако, что высказывать сию бесспорную истину следует достаточно осторожно, и с выражением искреннего сочувствия процедил: «Я надеюсь, что господин...»

— Меня абсолютно не интересует, на что вы надеетесь... Я хотел бы знать, что думает русский доктор по поводу болей, которые лишили меня сна.

Захар туманно высказался насчет злоупотребления шнапсом и с тревогой посмотрел на майора: какова реакция? И вдруг увидел, что майор с подчеркнутым равнодушием, не глядя даже в его сторону, небрежно обронил: «Данке...». И дал понять: «Вы свободны».

Позже Захару стало ясно — майор Квальман с его давно запущенной болезнью печени попросту участник заранее продуманной операции: кто-то, видимо, хотел взглянуть на советского доктора еще до того, как он предстанет перед «светлыми очами» начальства.

Теперь шофер доставил его прямо к дому, где помещался штаб. Ефрейтор предложил следовать за ним, и через несколько минут доктор стоял перед немецким офицером, в котором Рубин сразу же узнал инженера Курта Зенерлиха.

Захар с юношеской наивностью выразил изумление, хотел даже что-то воскликнуть, о чем-то спросить его, но Зенерлих вежливо прервал Рубина. «Не надо быть таким любознательным, доктор». Мягкий, приглушенный, несколько даже проникновенный голос Зенерлиха был ласков и слегка насмешлив. «Я вас знал почти ребенком, а передо мной стоит муж... Воин... Я не спрашиваю, как поживает ваша мутер. По моим данным, она сейчас находится где-то далеко от Москвы: ей, кажется, дорого обошлось недолгое, но близкое знакомство с иностранным специалистом. Я с прискорбием должен сообщить вам об этом. Не стану вас расспрашивать и о вашей подруге — Елене. Как говорят французы: «А ля герр ком а ля герр!»

Курт задавал много вопросов. Родственники? Политические убеждения? Верит ли в победу Красной Армии? Знаком ли с программой национал-социалистов? Захар отвечал по-русски. Но в это время в комнату вошел еще один офицер, и Зенерлих, кивнув в его сторону, сказал:

— Что касается меня, то я не успел забыть ваш русский язык. Но мой коллега, обер-лейтенант Брайткопф, еще плохо знает язык противника. А вы, насколько мне известно, свободно владеете немецким. О, я хорошо помню вечер в клубе. Вы читали Гейне в подлиннике. Битте шен...— И Зенерлих продолжал уже по-немецки: — Мы многое знаем о вас. Больше, чем вы предполагаете. Где ваш значок — пятьдесят парашютных прыжков? Надеюсь, вы не разучились работать на ключе рации?

Захару стало ясно, зачем его вызвали в этот штаб, что ждет его впереди. Парашютные прыжки... Рация... И... Неужели это так — судьба мамы?..

Его отвезли домой, предупредив, что никто не должен знать о беседе с немецкими офицерами. Интуитивно Захар чувствовал, что «смотрины» еще не закончены. Его не оставят в покое. Так возник самый тяжелый в жизни молодого человека вопрос: как быть? Смутные мысли лишили сна. Возникали самые неожиданные решения, но ни одно из них не давало ответа: как быть? Что ответить на предложение, требование, угрозу, которые завтра-послезавтра он услышит в штабе? Плюнуть им в морду и пойти на виселицу? Это проще всего. А если по-другому?..

Первая мысль была простой и ясной, как те идеи, которые он впитал в пионерском отряде, в комсомоле: «Я русский человек, комсомолец, патриот своей Отчизны, за ее счастье и благоденствие готов отдать жизнь». Потом пришла мысль о компромиссе: «Нельзя ли так, чтобы сохранить жизнь...» Липкая эта мысль — о, как он боялся ее!— нет-нет да копошилась где-то в сокровенной глубине души.

В тревожных раздумьях Рубин провел одну ночь, вторую, третью. Его не беспокоили, не вызывали, здесь, видимо, был свой расчет: пусть нервничает. Иногда он просыпался, корчась от ощущения почти физической боли, и сразу трудно было разобраться, что это: позор еще не совершенного, но возможного предательства или страх перед пытками в гестапо? Порой ему казалось, что сопротивление бесполезно.

Но тут же Рубин гневно вопрошал Рубина: «Как ты смел подумать? Нет, нет, ни за что...» И тут же созревало решение: «Утром я обо всем расскажу Андрею, посоветуюсь...» В институте Воронцов слыл светлой головой. Но когда наступало утро и Захар лицом к лицу сталкивался с Андреем, у него не хватало силы воли. Он тут же находил тысячу всяких оправданий своей нерешительности, компромисса с совестью: «Андрей неправильно поймет меня».

Так прошла неделя. Все взвесив, обдумав, Захар наконец принял решение: «Попытаюсь перехитрить их... По крайней мере на первом этапе. Там видно будет...»

Наконец его снова вызвал начальник госпиталя. Тот же шофер на том же «оппеле» лихо примчал Рубина в соседнюю деревню. На сей раз русского врача доставили прямо в штаб. Зенерлиха здесь уже не было. С Рубиным беседовал обер-лейтенант Брайткопф. Этот был еще более, чем Зенерлих, любезен и приветлив. И тем не менее Захар изредка улавливал то ироническую усмешку, то цепко изучающий взгляд. Но это как искра — вспыхнет и угаснет. И снова Брайткопф — само радушие. Немец угощал бутербродами, предлагал кофе,

шнапс, сигареты. Потом стал показывать фотографии — обер-лейтенант запечатлен и в военном, и в штатском, и в строго официальной обстановке, и в весьма легкомысленной — с французскими девушками в Ницце. Обер-лейтенант тараторил без умолку о своих похождениях во Франции, в Бельгии, о трудной и в то же время «сладкой жизни» немецкого офицера. Это не мешало ему благоговейно говорить о фрау и киндер, о религии и немецкой философии. Так незаметно беседа переключилась на философию фашизма, национал-социализма, который в общем-то, с точки зрения обер-лейтенанта, и есть настоящий социализм. «Вы не можете не согласиться со мной?» Он сам спрашивал и сам утверждал. Далее разговор пошел более откровенно.

— Ради вашего благополучия, ради вашего личного счастья, ради любимой вами Елены, во имя обновленной России вы должны помочь нашему фюреру быстрее завершить войну. Я взываю к вашему разуму и к вашей гуманности: представляете, скольким людям будет сохранена жизнь, если фюреру удастся закончить войну в намеченные им короткие сроки. Будьте же человечным, господин доктор.

Обер-лейтенант поднялся со стула, подошел поближе к Рубину и глуховато сказал:

— Мне казалось, господин доктор, что я выразил достаточно ясно намерения моего шефа. Если вы хотите существовать, то... надеюсь, мне не потребуется объяснять вам суть альтернативы: или вы будете выполнять задания рейха, и тогда вы сможете жить, и весьма приятно, или же вам придется...

Предложение эсэсовского офицера не застало Захара врасплох.

— Какой же из меня разведчик? Да, я умею прыгать с парашютом, пользоваться рацией. Но ведь всего этого мало? Нужны особые черты характера. Я неуклюж, не умею стрелять.

Он долго перечислял, что он не умеет делать. И наконец — инвалидность, потеря ребра. Обер-лейтенант внимательно выслушал объяснение Захара, а потом стал убеждать русского доктора, сколь почетна будет его миссия, какое высокое доверие оказывает ему господин Зенерлих. Захар продолжал возражать. Но постепенно сдавал позиции, правда, все еще сохраняя видимость сопротивления.

Обер-лейтенант говорил спокойно, не кричал, не топал ногами. Он изображал готовность понять, вникнуть в доводы русского.

— Мы не торопимся. Впереди у нас много времени и много забот. А насчет того, что вы не умеете стрелять, что вы неуклюжи... Чепуха!.. Вы, вероятно, догадываетесь, господин доктор, что это только в кинофильмах разведчики мчатся на автомобилях в погоне за ключом от сейфа, стреляют, убивают, прыгают с моста в реку, спускаются по дымоходу в кабинет, где хранятся секретные материалы, и выпрыгивают на полном ходу из курьерского поезда. Если вы всего этого еще не знаете, то вас просветят. Вас научат, как, будучи инвалидом, можно отличнейшим образом получать секретные разведданные, как, будучи...— Он запнулся...— Я слышал, что у вас, русских, называют таких людей тюхой-матюхой. Так вот такой тюха-матюха может составить для нас сводку, от которой сам господин Канарис пальчики оближет. Мы вас научим, как это делать. А пока — прошу вас!

Брайткопф продиктовал текст подписки: Имярек... Возраст. Национальность... Воинское звание... Адрес... «Добровольно беру на себя обязательства секретно сотрудничать с немецкими властями, выполнять их специальные задания, строго хранить доверенную тайну. Знаю, что за невыполнение обязательства или разглашение тайны меня постигнет тяжелая кара...» Затем Брайткопф деловито и несколько назидательно перечислил обязанности нового агента по кличке «Сократ».

ФАНТАСМАГОРИЯ

Через неделю в госпиталь пришел приказ — Захара Рубина временно переводили в район, расположенный в тылу поглубже.

Тот же «оппель». За рулем — тот же нагловатый ефрейтор. Но теперь дорога вела совсем в другую сторону. Что это была за дорога и куда она вела, Захар определить не смог: ехали ночью, с пригашенными фарами и зашторенными боковыми стеклами.

...Конспиративная квартира, ставшая на два месяца местом жилья и занятий Захара, находилась недалеко от аэродрома. Сначала он догадывался об этом по гулу машин на рассвете. А потом всю их группу — Рубин оказался в компании нескольких ему подобных «курсантов» — повезли на аэродром: предстояли практические занятия — парашютные прыжки. С первых же дней «курсант» понял, что готовить его будут солидно: он должен овладеть большим объемом знаний, видимо, рассчитанных на разведчика высокого класса.

Дом, где поселили Захара и других «курсантов», находился в лесу. Называли «курсантов» только по кличкам. Рубин — «Сократ». Теоретическим и практическим занятиям предшествовало медицинское освидетельствование и трудный экзамен — проверка. И совсем в другом месте. Начальник школы — все называли его Тарасом, он был русским — вызвал Захара к себе в кабинет, окинул взглядом и по-русски сказал: «Так вот что, братец ты мой, поедешь в Мюнхен. На вокзале тебя встретит человек в светло-сером костюме, долговязый, с тростью в правой руке. Подойдешь к нему и скажешь: «Я для вас имею посылку от Тараса». Он скажет: «Благодарю вас». И повезет в кафе гостиницы «Трех львов». Представится: Владимир Михайлович... А дальше он сам распорядится...

Продолжение следует.

К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. М. ЛИСТОПАДОВА

ПЕСНЯ СОХРАНЕННАЯ

Плавно течет Дон, казачья река. Шелестят под ветром вековые вербы. Над донскими просторами несется песня: «Ой, да ты, кормилец, наш тихий Дон»,— раздольная, как эти степи и небо.

Богат донской край такими песнями, которые поются издревле, передаются из поколения в поколение, сохраненные народом, живые сегодня. Живые потому, что в свое время взял на себя нелегкий труд записать их казак станицы Краснодонецкой Александр Михайлович Листопадов, человек, влюбленный в песню.

Более полувека посвятил он собиранию донских казачьих народных песен. Напряженная, неутомимая эта работа, которой он отдавался со всей страстью энтузиаста-подвижника, не прекращалась ни на один день и оказалась исключительно плодотворной. Заняв почетное место в плеяде русских собирателей, хранителей и исследователей памятников народно-поэтического творчества, Листопадов стал крупнейшим знатоком и деятелем русской музыкальной культуры, классиком советской фольклористики. Еще в дореволюционные годы он за свою творческую деятельность был удостоен золотой медали. В то время ему довелось сотрудничать с С. И. Танеевым, А. Т. Гречаниновым, М. М. Ипполитовым-Ивановым; они с большим уважением относились к его делу, так же как выдающиеся музыковеды-этнографы А. Д. Кастальский, А. Л. Маслов, В. В. Пасхалов, давшие самую высокую оценку трудам Листопадова.

Изъездив Дон, как он сам говорил, вдоль и поперек, Листопадов побывал почти во всех станицах и хуторах, где записал более 1 200 народных казачьих песен. Записывал он одновременно тексты и напевы, поэтому-то казачья песня в его записи оживает перед нами во всей своей многокрасочности.

Важно еще и то, что Листопадов никогда не отделял текста от напева; это давало возможность записать песни с сохранением всех нюансов, полностью соблюдая все особенности казачьей речи. Благодаря этому мы и получили от него в дар богатейшее песенное наследие: былины, песни исторические и военно-бытовые, бытовые протяжные — семейные и любовные; бытовые «частные» — хороводные, гулебно-плясовые, а также весь цикл песен казачьей старинной свадьбы на Дону с полным кругом свадебных обрядов.

Яркой страницей собирательской деятельности Листопадова явились и песни Советского Дона. Монументальный пятитомник «Песни донских казаков» стал главным трудом его жизни.

А. М. Листопадов проявлял интерес к песням многих народов СССР; достаточно сказать, что он записал 1 800 различных национальных песен народов Советского Союза, тщательно изучив их как ученый и музыковед; он принимал активное участие и в массовой музыкально-просветительной работе, приобщая трудящихся к музыкальной культуре; среди учеников его было много прославленных музыкантов.

100-летие со дня рождения Александра Михайловича Листопадова исполняется 18 сентября; народ должен знать и помнить его имя; он сделал для своих потомков многое, словно предвидя, что труд ради песни станет неоценимым вкладом в сокровищницу советской культуры.

И. ГЕГУЗИН

Ростов-на-Дону.

●

НЕБО НЕ РАЗРУБИТЬ...

С первых дней войны во Вьетнаме все советские люди поднимали свой голос в защиту законных прав вьетнамского народа.

У каждого из нас
Почтовый ящик.
И в нем газеты.
И в их столбцах — Вьетнам!—

писал латышский поэт Имант Зиедонис.

Действительно, каждый из нас с болью вчитывался в тревожные газетные строки. Нашему народу, выстоявшему и победившему в битве с фашизмом, они остро напоминали о событиях Великой Отечественной войны.

Солидарность — так определяются обращенные к Вьетнаму мысли и чувства народов нашей Родины. «Солидарность» — так озаглавлен только что вышедший сборник произведений поэтов, прозаиков, драматургов Москвы и Ленинграда, союзных и автономных республик.

Книга рассказывает о бессмертном подвиге вьетнамского народа. «Люди Вьетнама не делят себя на солдат и мирных жителей,— писал побывавший на сражающейся земле Юрий Рытхэу.— Фронт проходит через сердце каждого вьетнамца». В рассказах и очерках Ирины Левченко и Александра Исбаха, в пьесах Ивана Куприянова и киргизского драматурга Т. Абдумомунова, в стихах Павла Антокольского и Мустая Карима, Владимира Михановского и Иосифа Нонешвили, на рисунках Н. Глазунова и М. Самсонова запечатлены образы героинь вьетнамского народа, хрупких и нежных девушек, отважно вставших в ряды бойцов.

Молодые ополченцы и старики-крестьяне, поэты и партийные работники — герои этой книги. Многие из них отдали свои жизни за светлое будущее, за счастье родной страны. Непоколебимая вера в это будущее вела их на подвиг. «Ударом острого ножа можно разрубить пополам кокосовый орех. А небо... Сколько ни руби небо, его не разрубить надвое... Так и наш Вьетнам»,— говорит перед смертью Нгует, героиня пьесы Токтоболота Абдумомунова.

Любовь к родине и преданность высоким идеалам социализма сплотили вьетнамский народ, придали ему несокрушимую силу и привели к победе. «Всем, чего мы добились и чего еще добьемся,— говорил премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, один из старейших вьетнамских коммунистов,— мы обязаны Ленину, его бессмертному учению. Драгоценные зерна ленинизма нашли во Вьетнаме благодатную почву и умелых сеятелей. Эти зерна дали чудесные всходы».

Теплое дружеское чувство, пронизывающее весь сборник «Солидарность», поэтично выражено в стихотворении казахского поэта Токаша Бердиярова:

А Вьетнама цветы — так похожи они
На весенние наши цветы.

Книга эта — память о трудных годах войны и клятва на верность вечной и нерушимой дружбе вьетнамского и советского народов.

Н. ЦВЕТКОВА

«Солидарность». Литературно-художественный сборник. Издательство «Правда». Москва. 1973.

На семейном торжестве

Владимир КОТОВ

ФЕЛЬЕТОН

— Итак, приближается, мой дорогой,
у нас
годовщина свадьбы.
Наш юбилей!
В день прекрасный такой
в гости
кого нам позвать бы?
— Надо позвать Ивановых,
они,
если сказать по чести,
все трудные годы
и трудные дни
были всегда с нами вместе...
— Орловых!
В день свадьбы они
столько лет
нам приносили розы...
— Розы?
Ну что за подарок — букет?!
Розы из области прозы...
— Но это ж свидетели наши, учти!
Если сказать откровенно,
Орловы нам родственники почти...
— Но вот уж кого непременно,
то это Шабашкиных...
— А это кто?
— Не помнишь?
— Не помню. Так кто же?
— А вот... Обещали достать мне
пальто
такое... под жатую кожу...
— Тогда и Аркашку давай пригласим,
а также его красотку.
— Нахал и пройдоха!
— Да ладно, бог с ним!
Он нам доставал люкс-селедку!..
— И Лапкины тоже нам могут достать...
И Хапкиных вытащить надо...
— Тогда уж и Кузю
и Кузькину мать,
она ж у него завскладом!
— Постой, не резиновый все же наш дом...
— Для этих места найдутся.
А Ивановых,
ты знаешь,
потом,
Орловых
потом,
перебьются!
— Да нет, дорогая, так все же нельзя,—
заметил супруг тревожно,—
они же ближайшие наши друзья...
— Ну вот потому-то и можно!
Итак, в день, намеченный в славном былом,
плывут приглашенные пары.
В прекрасной квартире, за пышным столом
встречают гостей юбиляры.
И вот огоньки загорелись в глазах,
и вот покатилось застолье!
— Ах, где вы достали вот этот?.. Ах-ах!
Ах, сколько «ах-ах» этот стоит?
Шампанское брызжет!
Цена и размер,
отделка, фасон и рисунок!..
— Ах, как вам идет этот чудный мохер!
Ах, как этот пуфик к лицу вам!..
И не от кушаний
тех, что стоят,
гости слюну заглатывают:
на головы
сыплется с блюда
салат,
на блюде все фирму разглядывают!
Весь вечер в квартире
рыночный гул,
разных объемов тетки
примеряют
одну и ту же серьгу,
одни и те же колготки!
И снова — плюх! — на свои места,
и снова все пьют без вставания
не за юбилей,
за «Достанешь? Достань!»
Короче, за доставание!
И у хозяев не дрогнет бровь...
А на фото, в углу, в старой рамке
прижалась, молчит сиротой их любовь...
Молодость, свадьба их и любовь —
проданы ими за тряпки!
Ты, скажешь, читатель, все верно, мол, да,
описано вроде толково,
но был бы товар в магазинах,
тогда
не было бы такого...
Ну нет уж, разгадка не столь проста,
и путать вопрос не годится.
Уж если кто встал на дорожку «достань»,
тот может по ней и катиться!
Кто, как завистник,—
читатель, заметь! —
узрев барахлишко, немеет,
тряпицу
такую
хочет иметь,
какую
другой
не имеет!..
Не зная,
чем в жизни своей дорожить,
лапкой
приветствуя лапку,
крутятся те,
что спешат с «блеском жить»,
и превращаются
в тряпку...

ГАСТРОЛИ

Н. ПУТИНЦЕВ

ПОЭТИЧНОСТЬ И ЖИЗНЕЛЮБИЕ

Сцена из спектакля «Свекровь с тремя невестками».
Фото В. Петрусовой.

В каждом спектакле Молдавского театра имени А. С. Пушкина, гастролировавшего в столице,— будь то произведения о наших современниках или наследие классики — свое видение жизни, подлинная народность — сочетание поэтичности и жизнелюбия, особый национальный колорит. И еще одно дорогое качество — пристальное внимание к человеку, его внутреннему миру.

Творческую фантазию главного режиссера В. Купча и его более молодых соратников А. Бэляну и В. Апостола воплощают актеры. И тут прежде всего хочется назвать старую тетушку Руцу, сыгранную Доминикой Дариенко в «Птицах нашей молодости» — в добром сказании И. Друцэ. Мать для каждого, кто нуждается в любви, утешении и помощи, недаром так любит аистов. Тетушка Руца — символ щедрой радости жизни и труда... Достойным партнером Д. Дариенко выступает в спектакле Петр Баранчи в роли Павла Русу.

Еще одна грань перевоплощения Д. Дариенко — старая свекровь Афтиния в классической молдавской пьесе «Свекровь с тремя невестками» И. Крянгэ. Три сына у Афтинии, и каждому надо выбрать жену, чтобы была трудолюбива и не обделена приданым. А непокорные сыновья сами приводят в дом полюбившихся им невест!.. Благодаря Афтинии-Дариенко весь спектакль обретает искрометный ритм, яркие комедийные краски.

Театр привез еще одну народную комедию — «Ясский карнавал» В. Александри. Режиссерской выдумке В. Купча и изобретательности художника А. Шубина здесь буквально нет границ, и в веселой суматохе карнавала — суматохе танцев, серенад, кукольных интермедий, кажется, легко могли затеряться, стушеваться основные персонажи. Но постановщик этого не допускает. Да и трудно затмить градоправителя Лунэтеску, которого остроумно и весело играет Евгений Уреке.

Впрочем, роль Лунэтеску — только актерская заявка на другой, гораздо более значительный образ — Городничего в гоголевском «Ревизоре». Скажем прямо, «Ревизор» — трудный творческий экзамен для любого театра, и то, что молдавский театр не только интересно воплотил одно из самых сложных произведений русской классики, но нашел и показал в нем нечто новое, свидетельствует о зрелости и монолитности коллектива. В спектакле нет каких-либо особых «новаций»,— нет желания во что бы то ни стало поразить зрителя. Все — как у Гоголя! Но именно тут и находит Е. Уреке реальный, в чем-то даже бытовой — и вместе с тем беспощадный в своей социальной обобщенности — образ Городничего. Необычайно интересно звучит у актера финальная сцена. Когда жандарм возвещает о приезде подлинного Ревизора, Городничий — Е. Уреке, нарушая немое оцепенение, поспешно достает деньги и деловито направляется к двери,— нет неподкупных в его мире!..

Но, пожалуй, самое интересное открытие спектакля — Хлестаков в исполнении молодого Виталия Руссу. Почувствовав себя хозяином положения, он начинает фантазировать и сам верит в свои фантазии, придумывает все новые неожиданные трюки. Такого Хлестакова московские зрители не видели давно...

Я назвал лишь нескольких актеров молдавского театра. Но они неотделимы от актерского ансамбля, от успехов дружного и сплоченного коллектива.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК ЖИВ ДЕЛОМ

Когда проведешь рукой по только что обтесанной плотником поверхности бревна, ощутишь тепло, словно отдал мастер дереву свою душу и умение. Так и вдохновенный актерский труд оставляет в сердцах зрителей теплое чувство от прикосновения к таланту. Об этом думаешь на премьере телеспектакля по повести В. Белова «Плотницкие рассказы» (сценарий Б. Ткаченко и П. Резникова, режиссер-постановщик П. Резников).

Главная роль — Олеши Смолина сыграна народным артистом Советского Союза Борисом Андреевичем Бабочкиным, который снова покорил всех красотой души своего героя, «простого» человека, великого умельца, влюбленного в жизнь и труд.

В своих заметках об искусстве актера Бабочкин писал так: «Актерское дело — это дело подвижническое. Актер должен отдать себя событиям пьесы, должен хоть отчасти пережить все радости и горести человека, которого он играет, пережить их своим сердцем, нервами и кровью...»

Вот именно так — всем актерским существом «пережиты» артистом в спектакле чувства, мысли, ощущения его героя — плотника Смолина,— мудрого и гордого человека, прожившего жизнь и все еще полного внутренних волнений, живущего неравнодушно, со звонкой, открытой миру душой.

Особенности натуры Олеши — Бабочкина наиболее ярко выступают в сценах с его «другом-недругом» Авениром Козонковым, которого столь же талантливо играет народный артист СССР П. Константинов. Он изображает натуру совсем иную — иную точку зрения на жизнь, иную философскую концепцию человеческого бытия. Козонков П. Константинова требователен, но педантичен и безрадостен; он острее да и охотнее видит всюду теневые стороны жизни.

И все же их связывает дружба, поскольку Смолин у Бабочкина отличается широтой характера и, даже круто поссорившись с Авениром, быстро идет на мировую.

Ключевой сценой телепремьеры, думается, стала сцена в бане. Духовную суть главного героя Смолин — Бабочкин трактует как созидательное, творческое начало человеческой жизни.

— Не пойму я, ну как это так, живет человек и вдруг умер,— размышляет Олеша.— Я-то сам был и... нет, ну — это ладно, это — тело. А душа куда девается?

— Никуда ты не денешься,— отвечает ему Костя, молодой парень (артист В. Бочкарев), которому срубил Смолин эту новую баню.— Красота после человека остается,— дело его. А это и есть душа...

И, подтверждая мысль, звучит из транзистора могучий бас Федора Шаляпина. Замирает Олеша — ему кажется, что это его душа поет в нем «из нутра».

Чудесная сцена. Да и весь спектакль чудесен.

Т. Токарева

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Недавно в Москве состоялся VII Международный конгресс акушеров-гинекологов. Он собрал более 3 тысяч специалистов из 70 стран мира, обсудивших проблемы и достижения медицины в этой области. Большой интерес вызвало сообщение советских ученых — академика медицины Л. С. Персианинова, кандидата медицинских наук Э. М. Каструбина и других о применении электроанальгезии для лечения осложнений беременности и обезболивания родов. Наш журнал рассказал историю создания этого метода в статье «Нечто такое, что обойдет весь мир» («Огонек» № 12, 1973 г.). В дни работы конгресса делегации Франции, Англии, США посетили клиники и лаборатории Всесоюзного и Московского областного научно-исследовательских институтов акушерства и гинекологии, где разрабатываются новые аспекты этого метода, в частности для достижения электронаркоза в гинекологических операциях и электроанальгезии в послеоперационном периоде. О перспективности нового метода в интервью корреспонденту газеты «Известия» говорили генеральный секретарь Международной федерации акушеров-гинекологов профессор из Швейцарии Хуберт де Ваттевиль и известный румынский врач профессор Эужен Абурел.

А за два месяца до конгресса его президент, директор Всесоюзного научно-исследовательского института акушерства и гинекологии академик медицины Л. С. Персианинов докладывал о результатах применения нового метода на Президиуме Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР. Работа была одобрена и рекомендована к широкому внедрению в клиническую практику. Теперь от руководителей здравоохранения и ученых зависит, как быстро поступит метод получения электроанальгезии в клиники страны, в практику каждого родильного дома, каждой женской консультации.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Балет П. И. Чайковского. 7. Автор трилогии «Старая крепость». 8. Французский живописец XIX—XX веков. 11. Озеро в Казахстане. 12. Точильный брусок. 14. Поэма М. Ю. Лермонтова. 18. Вечнозеленый кустарник или дерево. 19. Государство в Африке. 20. Победитель в конкурсе. 21. Чешский композитор. 23. Столица Турции. 25. Клееный древесный материал. 27. Роман О. Гончара. 29. Старинное холодное оружие. 30. Спортивный инвентарь хоккеиста. 31. Совещание по какому-либо специальному вопросу.

По вертикали: 1. Римский философ. 2. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Доходное место». 3. Металл. 5. Возвышенная равнина. 6. Латышская писательница. 9. День недели. 10. Драгоценный камень. 13. Надпись на монетах, медалях. 15. Цветок. 16. Льняная или конопляная ткань. 17. Птица семейства ястребиных. 22. Радиотехническое устройство. 24. Надстройка на палубе судна. 26. Объявление о спектакле, лекции. 27. Открытая галерея с колоннами. 28. Промысловая рыба.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 37

По горизонтали: 5. «Недоросль». 10. Мениск. 11. Вургун. 12. Аризона. 13. «Гренада». 15. Шарада. 16. Горбач. 17. Январь. 22. Вокзал. 25. Статика. 26. Камбала. 28. Канада. 29. Зегерс. 30. Килограмм.

По вертикали: 1. Фреска. 2. «Мальва». 3. Родригес. 4. «Кориолан». 6. Церера. 7. Дикуша. 8. Тренер. 9. «Бульба». 13. Гальс. 14. Агава. 18. Нарзан. 19. Абакан. 20. Ратмиров. 21. Лигатура. 23. Калуга. 24. «Аврора». 26. Калибр. 27. Азимут.

На первой странице обложки: Комсомолка Л. Шумило работает поваром в городе Екабпилсе Латвийской ССР.

Фото Б. Задвиля.

На последней странице обложки: Легендарная Малая земля. Отсюда 30 лет назад советские моряки и солдаты начали решающий штурм позиций фашистских войск, завершившийся освобождением города Новороссийска. На месте былых сражений установлен памятник-стела.

Фото А. Этерашвили.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-36-28; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/VIII-73 г. А 00117. Подп. к печати 11/IX-73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0 Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2148. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 1065.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

М. МАТВЕЕВ Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Ни в каких снах не мог присниться городничему такой Дворец культуры.

Сколько чепцов! Сколько платьев! Красных, кофейных, зеленых, синих... Любители миргородской воды киевлянки инженер Татьяна Ткаченко и закройщик Галина Лавренюк.

Этот некогда нарочито невеликий при реке Хороле город был более всего знаменит... лужей. Ах, какая это была лужа! Она занимала почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, обступившие вокруг, дивились красоте ее.

Тогда же здесь произошло нечто невероятное. Два почтенных мужа, один худощав и высокого роста, другой немного ниже, но зато распространеннее в толщину, честь и украшение города, И. И. Перерепенко и И. Н. Довгочхун, прежде известные как самые неразлучные друзья, поссорились. И еще более, нежели дружбой, прославили город своею ссорой! Примирить их не сумел даже городничий.

О городничий! Что за ассамблею он дал однажды! Где взяли бы мы кистей и красок, чтобы изобразить разнообразие съезда и великолепие пиршества! Не перечесть всех, кто был там! А сколько было дам! Смуглых и белолицых, длинных и коротеньких, толстых и таких тонких, что...

Да что там говорить, что писать. Было — и быльем поросло. Нет теперь той лужи, нет ни И. И. Перерепенко с головой, похожей на редьку хвостом вниз, ни И. Н. Довгочхуна (редька хвостом вверх), нет и городничего с его гостями. Ничего от них не осталось в Миргороде. Другая жизнь, другой город, другие люди живут здесь, приезжают сюда. Тем более не перечесть их всех: до двадцати шести тысяч в год отдыхают и лечатся в курортном объединении «Миргород» — в санаториях «Хорол» и «Березовый гай».

И славен теперь Миргород иной славой — своею прежде всего водой, удивительной водой! Единственной, какую вам когда-либо приходилось пить! Да, да, не спорьте! Вам, неверующим, докажут это патриоты Миргорода, что, однажды побывав здесь, приезжают сюда по путевкам, по курсовкам семь-восемь лет кряду. Потому что, скажут вам они, миргородская вода, ну-ка... ну-ка... лучше железноводской и ессентуков! Вот!

Ах, где возьмем мы кистей и красок, чтобы изобразить все разнообразие и великолепие здешних мест! Прекрасен Хорол с его пляжами и лодочной станцией, звонкая березовая роща, уютный пруд с белыми лебедями. А разве позволительно сравнить ту однажды данную ассамблею с ежевечерними танцами под бархатным украинским небом (сколько здесь дам, смуглых и белолицых...)! И городничему ни в каком сне не могли присниться такой Дворец культуры с его библиотекой, зрительным залом на тысячу двести мест, танцзалом и бильярдной, обширное подсобное хозяйство с парниками, откуда и зимой к столу несут свежие овощи.

А то ли еще будет! Ведь миргородской воды, точно подсчитано, хватит на триста лет! Вот и строят здесь спешно новые здания еще на две тысячи мест, новую столовую, зимний бассейн, новую грязелечебницу. Сам Николай Васильевич Гоголь удостоверил бы, что теперь Миргород совсем не то...

В М

Заслуженный врач УССР В. Ульянова и медсестра Т. Загоруйко.

Баталия друзей: бухгалтер П. Ф. Դековецкий и шофер А. К. Артеменко.

ИРГОРОДЕ

Кто предпочитает пляжи Хорола, кто — прогулку в березовой роще.

Иван Иванович... Ткаченко, врач из Киева, наслаждается миргородской.

Ассамблея — каждый вечер.

НА ЭТИХ РУБЕЖАХ
4 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА
ВЫСАДИЛСЯ
ДЕСАНТ МОРЯКОВ
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
И ВОИНОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ФРОНТА
225 ДНЕЙ
В ОЖЕСТОЧЕННЫХ БОЯХ
ГЕРОИЧЕСКИЕ СОВЕТСКИЕ
МОРЯКИ И СОЛДАТЫ
ОТСТАИВАЛИ ПЛАЦДАРМ
НАЗВАННЫЙ ДЕСАНТНИКАМИ
МАЛАЯ ЗЕМЛЯ
ОТСЮДА
НАЧАЛСЯ РЕШАЮЩИЙ
ШТУРМ ПОЗИЦИЙ
ГИТЛЕРОВСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ
ЗАВЕРШИВШИЙСЯ
16 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА
ОСВОБОЖДЕНИЕМ ГОРОДА
СЛАВА ВОИНАМ
ОСВОБОДИТЕЛЯМ
НОВОРОССИЙСКА